

БОЛЕЕ 10 МИЛЛИОНОВ ПРОЧТЕНИЙ АВТОРА В СЕТИ

ЖАСМИН МАЙЕР

Идеальный

МЕРЗАВЕЦ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ СКАЗКИ О ЛЮБВИ»

Жасмин Майер
Идеальный мерзавец
Серия «Современные сказки о любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69366490

SelfPub; 2023

Аннотация

Я Марк Бестужев – нежеланный гость на любой свадьбе. И если вы увидите меня среди гостей, знайте, вместо фальшивых тостов и заверений в вечной любви, вас ждет незабываемое шоу: «Как Марк Бестужев разоблачает шлюху-невесту». Они могут напялить белое платье и строить невинные глазки, могут обещать хранить верность до гроба, но меня не обманешь. Все до единой свадьбы, на которых я бываю, всегда заканчиваются одним неутешительным финалом. Все они шлюхи. Но так было, пока я не познакомился с Верой... И после одной ночи для такого мерзавца, как я, все пошло наперекосяк. Я Марк Бестужев – и это моя история.

Содержание

Жасмин Майер	4
Марк	5
Вера	10
Марк	18
Вера	28
Марк	33
Вера	36
Марк	41
Вера	45
Марк	53
Вера	64
Марк	69
Вера	76
Марк	81
Марк	88
Вера	94
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Жасмин Майер

Идеальный мерзавец

Жасмин Майер

"Идеальный мерзавец"

Я Марк Бестужев – нежеланный гость на любой свадьбе. И если вы увидите меня среди гостей, знайте, вместо фальшивых тостов и заверений в вечной любви, вас ждет незабываемое шоу: «Как Марк Бестужев разоблачает шлюху-невесту». Они могут натянуть белое платье и строить невинные глазки, могут обещать хранить верность до гроба, но меня не обманешь. Все до единой свадьбы, на которых я бываю, всегда заканчиваются одним неутешительным финалом. Все они шлюхи. Но так было, пока я не познакомился с Верой... И после одной ночи для такого мерзавца, как я, все пошло наперекосяк. Я Марк Бестужев – и это моя история.

Марк

Все они шлюхи.

Если бы это было не так, не было бы меня на этой свадьбе. Пока невеста стягивает подвязку, влюбленный женишок пожирает глазами обнаженное бедро. Все бы ничего, но три дня назад невеста извивалась на моем члене.

Стою среди холостяков в середине зала и перехватываю взгляд невесты в тот миг, когда кружевная полоска подвязки медленно скользит по ее гладкому бедру. Невеста смотрит на меня, я на нее.

Неделю назад я вел по этой коже губами, а она верещала на весь дом. Сейчас она улыбается и светится от счастья, ведь наконец-то захомотала очередного болвана, который по-настоящему ее любит, раз согласился на всю эту мишуру, шумиху и лживый балаган.

Все они шлюхи, и не спасает ни белое платье, ни громкие речи о верности, семьи и чести. Ненавижу свадьбы, хотя регулярно хожу на них.

Вилия бедрами под музыку, невеста заносит подвязку над головой и бросает. Разумеется, прямо мне в руки. Это такой игривый подарок, чтобы я помнил, какое счастье упустил. Знала бы она, что мне плевать.

Кручу подвязку на пальце и демонстративно нюхаю кру-

жева, чем привожу в восторг толпу пьяных гостей. Невеста хохочет, заливаясь краской. Какая стеснительная, а ведь с моим членом во рту такой не была.

А что такого, верно? Зал уже был оплачен, свадебное платье как раз подшили, а олух-жених давно взят в оборот. Сколько раз ему за вечер повторяли о том, какое счастье он заполучил и как ему невероятно повезло?... Да здравствует самообман.

Свадьбы – всемирный бабский заговор. Нормальный мужчина не даст себя захомутать добровольно, и они это знают. Они сами не против потрахаться, но для них риски выше. Им нужен кто-то, кто будет кормить и оплачивать элитные школы всем тем детям, которые будут так похожи на свою красавицу-маму.

Праздник для невесты продолжается. Ей подают букет, а холостяков из центра зала выгоняют и зовут подружек невесты. Это те, кто еще не смог продать за отличную цену то, что у них между ног.

В первое время они будут спать с тобой, вытворяя в кровати невероятную эквилибристику. Поражая твое воображение. Но все это до поры до времени. Подсядешь? Будь добр шубку. Продолжаешь получать удовольствие? Свози куда-нибудь. Хочешь завоевать меня? Тогда неси колечко, милый, только колечко поможет мне кончать так же задорно, как и раньше.

Шлюхи. Кто заплатит за них подороже, тот и получит.

Пора уходить. Я видел достаточно.

Достаю из внутреннего кармана пачку фоток. Хорошо иметь принтер. Ни в одном фотоателье я не распечатал бы такие снимки.

Все так боятся компрометирующих фоток в соцсетях, что и не думают, что старые-добрые глянцевые десять на пятнадцать по-прежнему могут стать страшным оружием.

«Ты ведь их удалишь?» – шептала она, когда я достал телефон.

Я удалил их прямо на ее глазах, но перед тем одним движением пальца отправил на печать на домашнем принтере.

Перехватываю фотографий кружевной подвязкой, которую невеста сама швырнула мне в руки. Пересекаю зал и поднимаюсь на подиум, где стоит жених в малиновой рубашке под цвет ее туфель, с цветком в петлице, который наверняка ее любимый, а он даже знать не знает его название. На нем костюм под цвет ее платья слоновой кости. Все для нее. И ресторан, и цветы, и праздник. Радуйся, дорогая, ты задрала высокую цену, а я смог ее оплатить.

– Поздравляю.

Жених с фальшивой улыбкой пожимает мне руку. Даже не зная, моего имени. Что-то подсказывает, что он уже привык за этот вечер. Большая часть зала набита родственника именно со стороны невесты. Всех позвали, чтобы увидели, как дорого продали их кровиночку. Это урок для девочек: вот как дела делаются, вот как мужчины должны расплачи-

ваться за секс.

– Это тебе, – протягиваю жениху фотографии. – Подарок.

Сначала он видит только подвязку и тушует. Я же немедля, покидаю зал через стеклянные двери и иду на парковку.

Сейчас олух-жених стащит кружева с глянцевых фоток и увидит свою благоверную в каких только угодно позах с чужим членом в заднице.

Все они шлюхи, чувак. И твоя не исключение.

Через приоткрытое водительское окно слышу истошный женский визг и звон бьющейся посуды.

Не стоит благодарностей.

Одна из бутылок летит мне в капот, а перед фарами материализуется белое облако. Лицо невесты пылает гневом, а красные губы искривлены.

– Мерзавец! – визжит она. – Долбанный козел!

Жму на клаксон, но она не перестает визжать и колотит капот кулаками.

– Уймись, ряженая! – кричу в водительское окно. – И уйди с дороги! Такую, как ты, я перееду и не замечу.

Гости уже высыпали из ресторана. Внутри благим матом орет жених, а его кто-то успокаивает.

– Я отомщу тебе за это, – кривит красные губы невеста. – Вот увидишь. Однажды ты женишься, и я буду тут как тут.

– Ошибаешься, – смеюсь в голос. – Ноги моей возле алтаря не будет, а теперь прочь с дороги!

В подтверждение нажимаю на газ, и она с визгом отскакивает в сторону, падая на газон на обочине. Ревет, размазывая тушь по лицу, и материт меня изо всех сил.

Срываюсь с места и выжимаю газ до упора. Мое дело здесь сделано. Снова. Все свадьбы, на которых я бываю, всегда заканчиваются одинаковым финалом.

Иначе и быть не может. Я разрушаю свадьбы и браки. И сам никогда не женюсь, потому что знаю – все они шлюхи.

Все, до единой.

Вера

Вагон аэроэкспресса, дернувшись, остановился. Вот он, аэропорт. Выходить пора, а у меня на руках до сих пор нет билетов.

Крепче перехватив лямку переброшенной через плечо сумки, прижала телефон к уху.

– Неаполь? Милан? Кипр? Лазурное побережье? Куда, черт возьми – зевнула в трубке Зоя. – Выбирай, Вера. Судя по звукам в трубке, ты уже вошла в аэропорт.

Думай, Вера, думай. Города – это жара и пыльные улицы. Пусть и прекрасные места, в которых я всегда мечтала побывать, но не в таком состоянии, как сейчас. Не хочу навсегда испортить впечатление о стране, да и не до экскурсий мне.

В глазах снова защипало. Так, Вера. Держись. Окажешься за тридевять земель, запрешься в номере, тогда и дашь себе волю.

– Вера? – снова напомнила о себе в трубке Зоя. – Шопинг, экскурсии или пляж?

Подруга работала в авиакомпании, и хоть в чем-то мне повезло. Терпеть мои заскоки и ночной звонок чужой человек не стал бы.

Надо решаться.

Во-первых, никакого шопинга. Этот полет моя последняя

блаж. После – буду экономить каждую копейку. Во-вторых, никаких шумных экскурсий и людей, на это просто не хватит сил.

Наверное, море самый правильный выбор. Спокойная синяя гладь, на которую можно смотреть часами. И пустой, желательно, берег, на котором можно рыдать и выть в голос.

– Море. Не самый людный курорт, есть, Зоя?

– Кипр, – уверенно ответила подруга. – Вечная сиеста и полно городских пляжей. Только это немного дороже, чем мы планировали.

Что ж.... Гулять так гулять.

– Когда самолет?

Какое-то время я слушала только треск клавиатуры.

– Два билета еще остались, ух! Всё, один из них твой! Не представляешь, как тебе повезло.

Да уж, «повезло». Я одна в аэропорту посреди ночи и у меня только ручная кладь, в которую я, почти не глядя, побросала те вещи, что подвернулись под руку. Если мне так будет везти все остальное время, это будут паршивые каникулы.

– Так, – продолжает Зоя в трубке, – твой рейс через три часа. Уверена, что жилье сама найдешь? Может, все-таки через знакомую? Есть у меня одна в турагентстве, она точно простит тебе звонок посредине ночи.

Часы в зале регистрации показывали четверть второго.

– Спасибо, Зоя, не надо. Пока буду ждать, сама что-нибудь

на «Букинге» найду.

– Ну как хочешь. Дай знать, как долетишь. И как посялишься. Договорились?

– Да, спасибо еще раз.

– Да все в порядке, подруга. Если что, и у меня могла пожить. Ничего, что у меня сестра с детьми в гостях, потеснились бы! Вместе веселей.

– Спасибо, Зоя.

– Ну жаль, что ты не передумала, Верунь. Легкой дороги!

Регистрацию на рейс еще не объявляли. Нашла свободное кресло и сняла с плеча тяжелую сумку, положив к себе на колени. Обхватила руками.

Одна среди ночи в аэропорту. Не таким я представляла долгожданный отпуск, на который столько откладывала.

В носу опять защипало. Глубокий вдох, Вера. Утонуть в жалости к себе всегда успеешь.

Потянулась за телефоном, проверила заряд. Должно хватить. Итак. Проверила в почте электронный билет на самолет. Конечное место – Ларнака.

Давай, гугл, не подведи. Хоть посмотрю, куда Зоя меня отправила.

Заряд телефона стремительно уменьшался, а я так и не нашла свободных квартир. В разгар сентября на Кипре начинался «бархатный сезон» и, судя по всему, сознательные туристы подготовились к нему сильно заранее. А редкие свободные номера в шикарных отелях стоили в два раза, а то и в три выше, чем апартаменты. А квартиры, которые мне предлагал сайт по аренде недвижимости, были сплошь заняты.

Я и оглянуться не успела, как объявили регистрацию на рейс. Кажется, у меня были все шансы просидеть неделю на берегу моря без крыши над головой. Надеюсь, хотя бы тепло будет.

Очередь к стойкам регистрации выстроилась мгновенно, меня обскакали несколько десятков человек куда более деятельных, чем я. А ведь сколько просидела в аэропорту до этого!

В очереди продолжила искать жилье. Почти сдалась и едва не забронировала дорогуший люкс, но пришел мой черед регистрироваться на рейс. Ладно, может быть, это знак не пороть горячку и не спускать деньги почем зря.

– Багаж? – спросила девушка за стойкой.

– Только ручная кладь, – показала на сумку.

Она кивнула, вбила оставшиеся данные и протянула талон на посадку.

Впереди ждал таможенный контроль. Я же каждую свободную минуту «терзала» гугл.

Поисковик держался стойко и сдавать хорошие варианты

не собирался.

– Блять! – выдохнула, пряча телефон.

– Полностью согласен, – отозвался мужчина рядом.

Я вздрогнула и подняла глаза. Впереди опять выросла очередь. Даже паспорта проверяли так медленно, словно каждый раз раздумывали, а надо ли разрешать таким ценным экземплярам покидать родину? Наверное, мужчина с очередью и связал мою раздраженность.

– Да я не про очередь, простите, – пробормотала я и снова уткнулась в телефон.

Мне-то такие задержки были как раз на руку. Не улыбалось оставаться на ночь в аэропорту Ларнаки или еще хуже – бродить по улицам незнакомого города. Без знания греческого.

О черт, а если меня отправили на турецкую часть? Сверилась с гуглом, выдохнула. Нет, все-таки на греческую. Ладно, хоть среди горячих турков бродить не буду. Хотя иди знай, этих греков...

– На турецкую часть Кипра туристы почти не летают.

Снова подняла глаза на мужчину.

Ну конечно, с высоты его роста не составило труда заглянуть мне в телефон. Тут же спрятала его от греха подальше. Не люблю таких нахалов, которые личное пространство не уважают. Такой ведь обязательно начнет раздавать советы, если увидит, что я до сих пор ищу жилье в стране, в которой окажусь уже через несколько часов. И без его советов тошно.

Глаза не поднимаю. Мы стоим близко, и мужчина сразу заметит, что я его разглядываю. В отличие от него, я уважаю личное пространство.

Хорошо хоть очередь вышла из комы, так что я быстро добралась до заветного окошка. Протянула с улыбкой паспорт уставшей женщине.

Та на улыбку не ответила, только стреляла глазами то на меня, то на страницы паспорта, то на экран компьютера.

Похоже, ночь у всех не задалась. С тяжелым вздохом ответила взгляд и снова наткнулась на наглого нарушителя личных границ. Стоял у соседней будки, облокотившись о небольшой выступ. А женщина в форме улыбалась ему во все тридцать два зуба.

Понимаю, почему она ему так улыбается. Он симпатичный, хоть и высокий. При своих метр шестидесяти никогда не любила баскетболистов. А в нем... где-то метр девяносто, если не целых два. Хотя осанка и фигура очень даже ничего, может, и правда, спортсмен?

Вид у него довольно горячий в этом строгом и то же время расслабленном прикиде, учитывая пиджак на плече. Только неясно, что он делает в аэропорту при полном параде. Несколько верхних пуговиц белой рубашки расстегнуты, а край сорванного галстука выглядывает из кармана пиджака.

Ощущения такие, как будто принц вместо Золушки сбежал с бала. Поглядела по сторонам, но Золушки так и не нашла.

На голове беспорядок, который не вяжется с его официальным видом, – черные волосы спадают на лоб непослушными прядями. Темная ухоженная щетина еще сильнее подчеркивает острый подбородок и резкую линию нижней челюсти.

Вообще этот мужчина весь как будто создан из резких линий – твердая линия широких плеч, чеканный профиль, как на монетах, и длинные пальцы, в которых он сжимает паспорт. Прямой узкий нос придает хищное выражение его лицу, но сила воли и без того чувствуется, в каждом выверенном движении. Единственное, что смягчает острый, как алмазная грань, взгляд – это темные длинные ресницы. Глаза у него светлые, то ли синие, то ли серые с темной радужкой.

Сбежавший принц неожиданно перехватил мой взгляд и подмигнул.

Я тут же отвернулась.

Забрав паспорт и перехватив удобнее сумку, прошла в залу ожидания. Петляя среди полок магазина, заставленных конфетами и алкоголем, наткнулась на компанию девушек, которые набирали в тележки бутылки красного напитка со странным названием «XUXU».

Ничего себе, какой ажиотаж. Дождалась, пока девушки направились к кассе и взяла тяжелую бутылку в руки. Красивое оформление, буквы переливаются, а выпуклая клубничка, как настоящая. Этикетка гласила «Ликер клубничный XUXU», а в скобках транскрипция «Ксу-Ксу». Даже не

ху-ху и не хи-хи.

Я вздрогнула, когда прямо над ухом раздалось:

– На вкус как перебродившее варенье. Не советую.

Даже гадать не пришлось, кто решил дать непрошенный совет. Такое ощущение, что преследует меня.

Взгляд хмурый. Вроде стоит рядом, а сам смотрит куда-то в сторону. Какое он имеет право так грубо вмешиваться? Что хочу, то и делаю.

Фруктовая мякоть булькнула, когда я крепче перехватила бутылку. Пристальный взгляд, наконец-то, остановился на мне.

Серые. Все-таки серые у него глаза.

Давай, скажи еще что-нибудь и уж тогда я в долгу не останусь.

Но сбежавший принц, как чувствовал, что тучи сгущаются. Промолчал. А я с гордым видом отправилась на кассу оплачивать внезапную покупку.

Марк

Может быть, это отклонение в психике, но мне плевать. Я не сплю с кем попало. Невесты. Вот на кого у меня действительно стоит. Я чую их, как гончая на охоте. Как и они меня.

Чаще всего, я – лучше, красивее, выше и богаче того, кто отдал им свое сердце, бумажник и вот-вот готов поделиться фамилией. Некоторые считают меня самовлюбленным индюком, но мне плевать. Я знаю, почему они соглашаются спать со мной, и знаю, как сделать так, чтобы у них снесло крышу от секса со мной.

Многие из них не против этого. Хотя женихи иного мнения.

Вот, например, рыжая девушка, которая стоит передо мной на паспортном контроле. Высокие каблуки и обтягивающие задницу брюки. А чуть позади тащится жених с тележкой, груженной чемоданами.

– Аккуратно, милый, не помни платье, – то и дело бросает через плечо рыжая.

«Милый» обреченно кивает. Наверное, слышит эту фразу далеко не в первый раз. Ее платье. Вот, что ее волнует. Где же его смокинг? Чехол на тележке один, и там наверняка платье. А смокинг для милого можно будет взять в аренду с чужого плеча на славном острове Кипре. Милому ведь все равно.

Главное, чтобы она была в лучшем наряде. Ее ведь праздник.

Равноправие? Не слышали, когда дело касается свадьбы.

Рыжая хищница сканирует меня хорошо знакомым взглядом. Если я задержу взгляд дольше, чем того требуют приличия, то смогу перепихнуться в самолете.

Хотите, поспорим?

Я смотрю. Долго смотрю на нее в упор. Рыжая сначала отворачивается, но я сразу узнаю эти повадки. Они просты, как две копейки – и означают, зацени мою задницу, правда хороша?

Задница действительно хороша.

– Милый, где наш гейт? – воркует она.

Уже другим тоном.

Эти игривые интонации предназначены мне. Я знаю. Разбить сердце и упорхнуть – стиль, который повышает самооценку женщины. Вот только она не догадывается, с кем на этот раз затеяла свою игру. И что для нее обязательно наступит час расплаты.

Не думал, что найду жертву так быстро.

– Блять, – тихо вздыхает девушка рядом со мной.

– Не могу не согласиться, – вслух отвечаю я, глядя на рыжую.

Ругнувшаяся девушка поднимает взгляд. Перевожу на нее глаза. Вот он, честный взгляд без грамма похоти.

Отходит в сторону, девчонке стыдно. Хорошие девочки не матерятся. Увы, детка, даже хорошие девочки иногда делают

это. Особенно, после парочки убийственных оргазмов.

Чтобы уязвить рыжую, разглядываю свою неожиданную собеседницу чуть пристальнее, чем следовало. Она зря, кстати, сутулится, могла бы выпрямить спину, тогда бы и грудь смотрелась лучше. Лицо грустное, может быть, бросил парень. А, может быть, просто не выспалась, рейс-то ночной.

Зачем-то улыбаюсь ей, когда на паспортном контроле она снова исподтишка косится на меня. Отворачивается так быстро, как будто я при всех отвесил комплимент ее заднице. Да ладно, не съем я тебя прямо тут.

Прячет глаза за низкой темной челкой. Аккуратное каре подчеркивает общую хрупкость. Нос чуть вздернутый, а губы красивые, хоть и бледные и без помады. Многие женщины годами добиваются такой формы губ с помощью специальных препаратов, при которых есть риск, что губы раздуется неравномерно или чрезмерно. А этой девчонке просто повезло. Интересно, она знает об этом?

У девчонки нижняя губа сочная, чуть полнее верхней, и она вонзается в нее зубками, не жалея. Нервничает. В ее движениях нет сексуального подтекста и соблазнения, просто она чувствует на себе мой взгляд, пока берет паспорт и быстрее, чем следует, бежит к залу ожидания.

Именно так рядом со мной ощущают себя хорошие девочки. Им страшно и неудобно, и ради них мой внутренний Серый Волк иногда натягивает чепец убитой бабушки, чтобы казаться добрее.

– У вас какие-то дела на Кипре? – работник паспортного контроля листает мой паспорт, страницы которого сплошь и рядом забиты визами на Кипр.

– У меня там невеста.

Много невест по правде говоря, но это ей знать ни к чему.

Любая женщина млеет от этого ответа, с мужчинами сложнее. Для них мотаться через половину мира за одной женщиной странно, когда других полно рядом. Нет, я не верю в любовь. Даже не начинайте.

Женщина смотрит на меня внимательно. И отдает паспорт.

Беру его и иду в сторону магазинов «Дюти-Фри».

Первой мне попадает на глаза брюнетка с каре, но сегодня не она моя жертва.

Рыжую чувствую издали. У нее густой крепкий аромат духов, который пробирается под кожу. Мужчина, который коснется этой женщины, должен пропахнуть ею целиком и полностью, своего рода метка. Такая же, как и красная губная помада.

Надо будет, кстати, не забыть, что могу испачкаться, когда наклоню ее над металлической раковиной в узкой туалетной кабинке самолета.

Да, я уверен, что так все и будет. А вы?

Пугливая шатенка оказывается тут же. Смотрит на бутылки с алкоголем с лицом школьницы, которая случайно забрела в магазин для взрослых. Рядом стайка девиц загружает те-

лежку ярко-красными бутылками с клубничным напитком.

Шатенка тоже берет одну.

– На вкус как перебродившее клубничное варенье. Не советую.

Снова возмущение, испуг и опасение во взгляде. Быстро мчится на кассу, как будто я отберу у нее бутылку и обругаю, как строгий отец, за употребление алкоголя.

Взрослая девочка, сама разберется.

А вот и рыжая. Смотрю на нее прямо, не отводя взгляда и не сбавляя уровень похоти в глазах. Фигура у нее действительно отличная.

Такая, как она, от моего взгляда, которым я раздеваю ее, не станет отворачиваться, пугаться, нервничать.

И действительно. Смотрит прямо на меня с видом оскорбленной королевы. Как это я не вижу, что она здесь не одна? Вот же ее мужчина. Демонстративно оборачивается к нему.

– Ну милый! Аккуратнее с моим платьем!

Чувак втыкал в телефон, за что и поплатился. Колесо тележки зажевало чехол. Но это не проблемы рыжей, это проблемы *милого*.

Он тележкой и занимается, пока рыжая бестия отходит к стойке с парфюмами.

Невзначай прохожу мимо.

– Умопомрачительные духи, – говорю медленно и глухо.

Частить и заикаться будет ее жених, если испортит платье.

Рыжая не смотрит на меня, мол, хорошая попытка, но она

достойна лучшего подката.

– Выбираю парфюм своей невесте, – продолжаю. – Не подкажите марку своего?

Большинство женщин, как только узнают, что у тебя кто-то есть, они тут же расслабляются. Но для определенного типа женщин ты просто заблудший ягненок, которого она обязана наставить на путь истинный и доказать, что она лучше и сексуальнее всех, кто у тебя когда-либо был.

– Ах, спасибо! Это «Шанель», эксклюзивная коллекция. Не думаю, что ее можно найти здесь, среди этого ширпотреба.

Повернулась всем телом, что означает неприкрытый интерес. Дает возможность разглядеть ее.

Что я и делаю. В наглую смотрю на губы, шею и грудь, и возвращаюсь к прищуренным глазам.

– Вашему жениху повезло.

Женщины знают, что мужчины всегда хотят секса. Я только подтверждаю ее мысли и одновременно с этим сожалею о том, что кто-то успел заявить на нее свои права раньше меня.

Она мельком оборачивается к везунчику.

Тот валяется на полу, сражаясь с колесом. Тележка опасно накренилась, и один чемодан с грохотом падает вниз. Рыжая кривится.

Смотрит опять на меня.

– Раз «Шанель» здесь не найти, – говорю, – может быть, сможете выбрать помаду для невесты? Судя по всему, у вас

отличный вкус.

Облизывает красные губы, на которые я открыто пялюсь. Снова поворачивается и кричит:

– Милый, я буду тут, недалеко. Нужно помочь молодому человеку выбрать помаду для его невесты!

Милый смотрит на меня. Да, чувак, я не опасен, у меня есть невеста. Кивает и снова поворачивается к работнику аэропорта, который пришел ему на помощь.

Вдвоем они переворачивают тележку, пока милый держит на руках чехол с платьем. Ее платьем.

Женщины, на которой он собирается жениться, а я собираюсь прямо сейчас трахнуть.

Хотите соблазнить женщину, воспользуйтесь помадой. И это не значит, что нужно красить свои губы.

Всю дорогу до стенда с помадами я говорю рыжей, что у моей невесты такие же фигура, цвет волос и разрез глаз, как и у нее. И если помада подойдет ей, то конечно подойдет и моей несуществующей невесте. Рыжая в ответ на это фыркает. Сомневается, что кто-то может быть так же хорош, как она.

До поры до времени лучше изображать верного семьяни-

на. Что я и делаю. Привожу ее к стойке с самыми дешевыми помадами на распродаже, и она закатывает глаза. Ведет меня к полкам, где все ценники трехзначные, а на полках пятьдесят оттенков красного. Серьезно, мужики, они все разные.

– Ну, скажем, вот эта, – говорит рыжая.

Перехватываю ее руку на лету и беру коробочку. Сначала она думает, что это слишком дорого и я передумал, но вместо этого говорю:

– Можно я накрашу ваши губы?

Она теряется. Накрасить губы женщине это серьезное испытание, но это самый короткий и простой вариант заставить ее доверять тебе.

Рыжая облизывает губы и смотрит на раскрытую помаду в моих руках. Берет салфетку и медленно вытирает свои губы. Соблазнительный красный остается на салфетке, а ее блеклые губы теряются на лице.

Рыжая внимательно смотрит на выдвигающийся красный кончик помады в моих руках. Дедушка Фрейд был бы доволен.

– Позвольте? – и не дожидаясь ответа, притягиваю ее к себе за талию ближе.

Чтобы накрасить женщине губы, нужно стоять рядом с ней. Рыжая впускает меня в свою зону комфорта, ведь иначе мне придется делать это вытянутой рукой, а кто ж так губы красит?

Веду по нижней губе, и чувствую, как у нее перехватывает

дыхание.

Конечно, это можно принять за испуг – она опасается, что сейчас я раскрашу ей все лицо, если рука дрогнет, поэтому послушно прижимается ко мне всем телом.

Медленно веду красным острым концом по верхней губе. Ее грудь вздымается все чаще.

Рискую, но прижимаюсь к ней бедрами.

Она вздрагивает. Теперь мое желание для нее не секрет, но в ее глазах я по-прежнему примерный семьянин, который пал жертвой ее невероятной красоты. И ей это льстит. Тут главное не перегнуть палку и придерживаться легенды. Невеста. Она ведь у меня есть. Для нее помаду и выбираем.

– Хорошо, – смотрю на ее губы. Ее бедро по-прежнему прижимается к моему члену, который ей более чем рад. Аккуратно касаюсь пальцем уголка ее губ. – Только вот здесь я промазал, дрогнула рука...

Выразительно кошусь на ее глубокий вырез. Она хихикнула. Но так и не отстранилась.

– Могу провести до дамской комнаты, чтобы смыть лишнее. Хочешь?

Верная невеста уже сто раз отказалась бы. И уж точно вспомнила бы про салфетки, которые лежат здесь же возле стендов с косметикой.

– Хочу, – выдыхает рыжая.

И после я веду ее в туалет, на двери которого переворачиваю табличку «Закрыто на уборку», и для начала беру ее

сзади прямо у раковин.

Все еще хотите поговорить со мной о любви?

Вера

Телефон молчит. Почему он не звонит, проклятье?

Один разговор и, наверное, я бы тут же вернулась домой. Плевать на билеты, а жилье я все равно так и не нашла. Владельцы недвижимости на Кипре сговорились против меня.

Но телефон молчит.

Заряда осталось мало, а все удобные розетки возле скамеек заняты. А если он все-таки позвонит, а я не успею взять трубку, потому что телефон сядет? И потом. Не лучшая идея приземляться за три девять земель с разряженным телефоном. Если уж думать практично, а не эмоциями.

Подхватываю чемодан и пакет с перебродившим вареньем, как сказал тот нахал, и брожу возле гейта в поисках розетки. Свободных нет. Выбираюсь опять к магазинам, кафе, но, несмотря на ночной рейс, в аэропорту многолюдно, а еще у всех вдруг разом что-нибудь да разрядилось.

Дохожу до туалетов. Вспоминаю, что видела розетку возле раковин, но это было прямо на входе в аэропорт, кто знает, может здесь другая планировка?

Пять процентов заряда на телефоне. И он, зараза, садится еще быстрее из-за того, что я постоянно проверяю, не пропустила ли звонок.

Дохожу до самого дальнего туалета, в другом конце ближе

к гейтам есть еще один. Там я уже была, розетку оккупировала девушкой с плойкой. Здесь же людей почти нет. Как и работников, но на двери висит табличка о том, что вход воспрещен.

Четыре процента.

Оглянувшись, нажимаю на ручку. Интересно, ради уборки их закрывают на ключ? Дверь легко поддается, и я проскальзываю внутрь.

Первая мысль – что какая-то женщина бьется в припадке эпилепсии в одной из кабинок и ей срочно нужна помощь.

И только низкий мужской стон все расставил по своим местам.

Нужно ретироваться, исчезнуть, но я словно приросла к полу. К тому же прямо передо мной на стене розетка. А на телефоне – уже три процента.

Может, это затянется? Может, успею?

Ставлю телефон заряжаться и вижу в зеркале, как горят щеки. Женщина стонет, царапает пластиковые стены кабинки. Хотя обещала себе не смотреть, чуть-чуть нагибаюсь и смотрю на пол. Видны только мужские ноги.

Он ее или на руках держит... Или она стоит коленями на унитазе. Невероятно. Это ж как приспичило?

От звука сливающейся в бачке воды подпрыгиваю на месте. Все-таки на унитазе, мелькает мысль. Выдергиваю зарядку из розетки, но переходник остается в ней, а в моих руках только провод. Времени нет. Без лишних слов, судя по

звукам, после финиша они тут же принимаются поправлять одежду. Только и всего.

Выбегаю из туалета. И дверь почти сразу распахивается следом – из нее выходит красивая рыжая женщина. Ее щеки горят, она взбивает огненные волосы, не глядя на меня, и быстро уходит. Вижу, как издали ей навстречу бежит мужчина с тележкой и чемоданами.

– Ну и где ты была? Уже посадка!

– Ой, что в туалет уже нельзя сходить?!

Они уходят вместе.

А до меня разом доходит три вещи.

Прежде всего, что сейчас на бачке унитаза она была не со своим мужчиной. Во-вторых, тот, с кем она была, только что вышел из туалета и теперь внимательно смотрит на меня.

И, в-третьих, это тот самый нахал с паспортного контроля.

Он медленно надвигается на меня. Его волосы торчат во все стороны, и я понимаю, что в его шевелюре только что побывали пальцы этой рыжей. И может быть, не только там.

– Хочешь мне что-то сказать?

Трясу головой и отвожу взгляд.

Даже о том, что у него не застегнута ширинка не скажу, не дождется. Мне не интересно, чем он занимался в туалете, хотя бы потому что это и так ясно. Хотя остальные детали в голове не укладываются. Они знали друг друга? Может, они любовники?

– Как ты смотришь на то, чтобы повторить?

Ему удастся добиться того, чтобы я снова усталилась на него. Направление, куда бы нужно его послать, вертится на языке, но во рту пересохло, и я молчу. Надеюсь, что хотя бы выгляжу при этом достаточно оскорбленной.

Он стоит непозволительно близко. Вижу темные волосы на груди в вороте белой рубашки.

Кто он такой? Чем хорош секс с ним, что на него стоит решиться даже, если он произойдет в туалетной кабинке?

Он так близко, что легко представить, как его крепкие руки подхватывают за талию, пока мои руки хозяйничают в его волосах. Рваные поцелуи, судорожное дыхание. Горячие губы скользят по шее, но на большее нет времени. Сделать быстрее, урвать опасное острое наслаждение. Здесь и сейчас.

Как это – принять его вот так сразу, сейчас, лишь отведя трусики в сторону? Будет ли хорошо? Или будет больно? Станет ли он церемониться, позволит ли привыкнуть или сразу начнет двигаться, вбиваться, брать то, что можно только сейчас, и никогда больше? Значит ли для него мое наслаждение хоть что-то или я буду рада ощутить его в себе, что успею кончить даже раньше?

Трясу головой, чтобы изгнать наваждение. Но меня окутал слишком резкий запах духов, терпкий аромат тела и греховный секса. Он весь пропах сексом.

Как будто читая мои мысли, он толкает меня к реальной стене и ставит ладони на уровне моих глаз, упираясь в стену. Его взгляд трахает без прелюдии. Сложенные в вежливой

полуулыбке губы обещают запретное наслаждение. А ямочка на подбородке – прямо-таки контрольный в голову.

– Не знаю, кто ты, – говорит он низким голосом. – Но у меня определенно на тебя стоит. У нас еще есть время до взлета, а я не повторяю дважды.

Не хочу это слышать.

Сама отталкиваю его и бегу к людям, свету и свободе. Пусть воздух лучше пахнет ванилью, выпечкой и кофе. Пусть плачут и кричат дети, и ругаются уставшие путешественники. Что угодно, только не чувствовать его рядом.

Этот мужчина запретный плод. Сладкий и терпкий, как грех. И надо держаться от него как можно дальше.

Я смогу. Правда?

Марк

В самолете мое место оказалось одинаково далеко и от рыжей давалки, и от темноволосой моралистки. Так что, предупредив заранее стюардессу, чтобы не будили, когда станут разносить свои помои, которые зовутся здесь «поздним ужином на борту», я устроился в кресле, чтобы проспять все три часа полета.

Улыбнулся, потому что мне снова вспомнилось выражение лица у темноволосой, когда она увидела, как я выхожу из женского туалета. Вот умора. Кто она? Монашка или девственница, которая дает только после штампа в паспорте, или все вместе?

Кольца у нее, кстати, нет. Ее руку мне прекрасно видно, хотя ее саму нет. Я сижу в хвосте самолета, а ее посадили возле запасных выходов и она внимательно слушает пояснения стюарда о поведении в экстренной ситуации.

Неожиданно стюард поднимает глаза и перехватывает мой взгляд. И идет строго на меня. Я знаю, что сейчас произойдет, и мне это кажется забавным. К тому же я сам виноват. Если бы не разглядывал брюнетку, а спал, как и собирался, выбор стюарда не пал бы на меня. И он точно не стал бы меня будить специально.

Бортпроводник останавливается рядом с моим креслом.

– Здравствуйте, по правилам техники безопасности нам нужен еще один пассажир возле аварийного выхода и желательно, чтобы это был мужчина. Вы согласны пересесть, чтобы помочь нам?

Нужно послать его к черту. Наверняка я не единственный мужчина здесь, возле которого не надрывался бы младенец и не сидела бы беременная жена. Но моя скромняшка тоже оборачивается из любопытства, кого к ней сейчас посадят. И ее глаза снова становятся квадратными.

А мне определенно нравится выражение ее лица, когда она смотрит на меня.

Киваю, поднимаюсь, подхватываю сумку и иду за стюардом. Он помогает мне с сумкой, пряча ее наверху, а я должен пройти к иллюминатору, чтобы сесть возле запасного выхода.

Скромница вжалась в кресло, но никуда ей от меня уже не деться. И чтобы пропустить меня, несмотря на широкий проход между креслами и вместо того, чтобы просто повернуть колени в одну сторону, она... барабанная дробь! Раздвигает ноги.

Занимаю пустое место возле иллюминатора и не могу сдержать улыбки, потому что хорошо знаю, что будет дальше. Не в первый раз летаю. И не в последний, надеюсь.

Она снова стискивает бедра и отворачивается. Может быть, постарается на протяжении всего полета делать вид, что меня здесь нет? Что ж, у нее не выйдет.

– Отлично, – кивает стюард. – Теперь, пожалуйста, познакомьтесь друг с другом.

А вот моя скромница летает не так часто, иначе знала бы бортовой этикет и правила поведения пассажиров у аварийных выходов. Она с ужасом смотрит на стюарда, но тот уже отвернулся и ничем ей помочь не может.

Улыбаюсь, хотя без толку. Она на меня даже не смотрит.

– Марк, – говорю и протягиваю руку.

Оборачивается. Брезгливо смотрит на мои пальцы, и в сердцах я снова ухахатываюсь такой реакции.

– Я вымыл руки. Тщательно.

Пожимает плечами, мол, вообще-то ей нет никакого дела до этого. Быстро пожимает руку, едва касаясь моей пальцами и перед тем, как отвернуться, говорит:

– Вера.

Самолет медленно катится на взлетную полосу, а я почему-то не могу перестать улыбаться.

Вера

Совершила ли я ошибку, когда решилась вот так сбежать среди ночи? Не знаю. Теперь уже не знаю. Слишком смело и рискованно для меня, которая даже на дачу не собиралась внезапно, а только после долгих часов планирования.

А тут... Другая страна, в которой я даже не нашла жилья. Что это если не безумие? Ведь очень вероятно, что мне придется неделю просидеть в аэропорту, если так и не найду, где остановится на острове.

А еще этот мужчина рядом... Марк. Слава богу, он заснул. Мужчина всегда хочет спать после секса.

Не знала, куда себя деть. Только и смотрел на меня так, что еще чуть-чуть и дырку протер бы. И что ему нейдет? Зачем столько пялиться на меня?

А я тоже хороша. Вместо того, чтобы отвернуться всем телом в одну сторону, когда пропускала его, зачем-то раздвинула ноги. Так держать, Вера. Очень хочется быть следящей, кто встанет на колени перед ним на каком-нибудь кипрском унитазе?

Эта рыжая тоже здесь, на борту. Один раз прошла мимо, и даже не посмотрела в его сторону. Может быть, не узнала, а может быть, так и надо себя вести после секса в туалете. Отрицать все. С ней летит жених, они сидят где-то в носу

самолета. Один раз я слышала, как она ему выговаривала за то, что испортил чехол, в котором было ее свадебное платье.

Как же я хотела быть на ее месте...

Не в том смысле, что хотела бы наставить рога жениху с этим Марком! Нет, не в этом смысле! Хотела бы лететь на собственную свадьбу с мужчиной, который нашел в себе достаточно уверенности, чтобы повести меня к алтарю. Я гуглила свадебные церемонии на Кипре, когда еще на что-то надеялась. Было бы так просто слетать и обвенчаться на берегу моря, а после пробежаться по кромке лазурного моря босиком. И отдать прибою букет невесты. И не нужны подружки, и банкет, и все эти родственники, имена которых знает только бабушка и то постоянно путает.

Я все-таки лечу на Кипр, но лечу одна. И ни о какой свадьбе и речи нет. Потому что кризис, ипотека, бизнес, не вовремя и вообще «кому нужен этот пережиток?»

Мне, например, нужен. Мне нужна сказка, пусть краткая, всего на день, но нужна.

– Рыба или курица?

Смотрю на стюарда и не могу сделать выбор. Сказывается и бессонная ночь, и стресс. Ну и сама поездка могла бы пройти при лучших обстоятельствах.

– Рыба или курица? – повторяет терпеливый стюард.

– Да выбери, наконец, – ворчит Марк. – Все равно дермо редкостное.

– Курицу, – бормочу, а у самой щеки горят.

Ну не виноват бортпроводник, что еда в самолете не как в ресторане, неужели этот Марк не понимает?

А следом катится тележка с напитками. И снова выбор. Снова придется что-то выбрать, а я теряюсь даже заранее.

– Чай или кофе?

А на тележке стоят бутылки с колой, спрайтом и простой водой. Почему они не предлагают этого?

– Вера, ради Бога, – снова ворчит Марк сквозь сон.

Так он спит или претворяется?

– Наверное... Чай. Нет, дайте кофе.

Если мне придется сидеть в аэропорту, то лучше напиться кофе, чтобы не заснуть прямо на чемодане посреди аэропорта.

– Что с тобой такое?

Марк повернулся ко мне всем телом, взгляд серых глаз затуманен сном. Все-таки спал.

Отрезаю:

– Не помню, чтобы мы переходили на «ты».

Открываю пластиковый контейнер. Ковыряю распакованной вилкой – еда действительно оставляет желать лучшего, но я заставляю себя проглотить хоть что-то.

Чувствую на себе заинтересованный взгляд Марка. И это изучение, словно под лупой, не добавляет аппетита.

– Зачем ты это ешь через силу? – наконец, спрашивает он.

– Про общество чистых тарелок слышал?

Марк смеется. Неожиданно и от души.

– Бабушка говорила, что такого едока, как я, туда бы не приняли, – отвечает. – В детстве я был ужасно привередлив в еде.

– Разве что-то изменилось? – приподнимаю бровь.

Еду Марк не тронул, хотя стюард передал коробочку и ему. Она так и стоит запечатанная на столике.

– Это не еда. Вот завтра я наведаюсь в любимую таверну, где стол ломится от еды, совсем как в гостях у бабушки. Закажу охотаподи на гриле, садзыки и питу. Но владельцу таверны, Иордаке, честно говоря, плевать на мой заказ, и он все равно притащит еще половину меню и будет глядеть глазами кота из «Шрека», умоляя отведать каждое блюдо.

Глотаю слюни. Не понимаю и половины слов из его рассказа, но они даже на звук вкуснее, чем еда на борту. Рис в контейнере сухой и твердый, а кубики моркови горькие на вкус. Как нужно издеваться над морковкой, чтобы довести ее до такого состояния?

– Хочешь, сходим вместе? – неожиданно предлагает Марк. – Ты вообще надолго на Кипр?

– Это не ваше дело, Марк.

Помолчали. Правда, недолго. Он по-прежнему смотрит только на меня.

– Серьезно, Вера, какая муха тебя укусила?

– Буду благодарна, если вы оставите меня в покое, Марк. Вас явно привлекают женщины другого типа, а я придерживаюсь консервативных взглядов в отношениях.

– Чего?! – хохотнул он. – Сама хоть поняла, что сказала?

– Поняла. Как и то, что вы ловелас, Казанова и мерзавец, каких белый свет не видывал. А случай возле туалета только укрепил мое мнение на ваш свет.

Он вытянул длинные ноги, благо, места между рядами возле аварийных выходов хватало. Сложил руки на животе.

– А ты, я так понимаю, не путаешься с плохими парнями, да?

– Все верно.

– Seriously, Вера, мы не на уроке литературы. А то, что ты не круглая дура, я понял сразу.

– Офигеть! – прошипела я. – Это такой комплимент, что ли?

Марк улыбнулся.

– Смотри-ка! А ты тоже можешь говорить по-человечески.

Марк

Рассмешить и уложить. Как только девушка начинает смеяться, вы уже на полпути к постели.

Вера пока не смеется. Только улыбается. Впрочем, и улыбкой-то это тоже не назовешь... У нее всего лишь дрогнули уголки губ, а желание улыбнуться она тут же подавила.

Улыбка ей к лицу. Куда лучше, чем нахмуренные брови и сжатые в ниточку губы. Seriously, девочка, кто тебя так обидел?

Ее полуулыбка еще ничего не значит. Мы все еще не на половине пути к постели, мы от нее также далеки, как наш самолет от земли.

Вера не ведется на простые крючки, которые годами помогали мне цеплять женщин. Она избегает смотреть мне в глаза и отворачивается, но я ведь видел, как она раздвинула передо мной ноги, когда я пытался всего лишь занять свое место. Это был порыв, который она не успела подавить. Это была настоящая она.

Раздвинет ли она их передо мной еще раз? Уже по-настоящему?

И нужно ли мне это?...

Кольца у нее нет. Женихов поблизости тоже не наблюдается. Она ни с кем не прощалась долго и приторно по теле-

фону перед взлетом. Не исключено, что на Кипре ее ждет мужчина, и она «будет век ему верна». Посмотрим, кто ее встретит после посадки.

Она симпатичная. Не красавица, но так и косметики почти нет, одежда мешковатая, горбится, постоянно опускает глаза и, конечно, не улыбается. Такое никого не красит.

На острове невест я быстро найду с кем развлечься, а кроме того, у меня еще не закончено дело с рыжей, так зачем мне Вера, которая вряд ли летит на Кипр, чтобы выйти замуж или, и вряд ли только и ждет того, чтобы сходить налево? Вера скорее напоминает женщину, из которой брак вытянул все соки. Уставшую, утомленную, вымотанную. Но, боже упаси, ей ведь сколько? От силы двадцать пять, судя по всему, не рано ли вести образ сорокалетней наседки?

Может, дети? Нет, вряд ли.

Хотя кто знает. Была у меня дважды рожавшая. Кесарево и «муж будет доволен», как говорил ей гинеколог. Тоже не скажешь, пока с детьми не увидишь.

Летит по работе? Тоже нет. Бизнесвумен точно знают, что хотят, и часто не прочь развлечься в перерыве между встречами и расписанием. И у них, как и у меня, нет времени на всю эту конфетно-букетную мишуру.

А я больше не ухаживаю за женщинами. Нет, с этой дурной привычкой я завязал. Я беру то, что нужно мне, и даю им то, что не может им дать их жених со взглядом преданного щеночка. Взрыв, буря, эмоции, вот это все. Со своим

женихом ей даже не придет в голову спустить трусики у раковины в общественном туалете, а если придет, то искренне поздравляю.

Ищите такого человека, с которым вам будет комфортно в любой ситуации. Начиная от автомобильного сидения, заканчивая узким кухонным подоконником.

Так что даже не начинайте. К черту любовь.

Все ждал, что Вера сдастся и заснет. Расслабится хоть на минуту.

Не тут-то было. Вера сидела, стиснув пальцы так, что побелели костяшки. Это из-за того, что я сижу рядом, или дело в чем-то другом?

Чем ближе был Кипр, тем сильнее она нервничала. Почему и к кому она летит, она, конечно, отвечать не стала. Она действительно не собиралась говорить со мной.

Сначала я решил, что она боится летать, но даже когда самолет приземлился в Ларнаке, Вера побледнела еще сильнее. Было почти четыре часа утра, пассажиры выбирались из самолета, как толпа зомби. Вера шла по трапу, как на казнь.

Меня она не замечала. А я смотрел на нее из автобуса, внимательно смотрел. Она не притворялась, ей действительно

но было плевать. Меня она не замечала, как и пообещала, когда я снова попытался заговорить с ней еще в воздухе.

Автобус подъехал к аэропорту. Держусь на паспортном контроле чуть поодаль, но Вера обо мне и не вспоминает. Зато рыжая активизировалась. Бросала загадочные взгляды, пока жених, как навьюченный мул, спал на ходу. Даже сама подошла, совсем обнаглела. Заговорила о чем-то, но я слушал вполуха. Вера уже прошла паспортный контроль и двинулась к получению багажа. Нельзя было терять ее из виду.

Рыжая сунула в карман визитку. С ее телефоном, что ли? Совсем берегов не видит? И убежала следом за женихом.

После таможенного контроля, вышел быстрым шагом к багажной ленте. Веры нигде не было. Косой взгляд на табло – багаж нашего рейса еще не выдают. Где тогда Вера?

Каким-то чудом увидел ее макушку на выходе в зал встречающих. Получается, у нее и багажа с собой не было, как и у меня. Выбежал следом, сканируя толпу встречающих. Ну-ка, и кому из этих мужиков принадлежит по праву Вера? Кого она так любит, что даже по сторонам не смотрит?

Но Веры опять нет.

Что это, черт возьми, за способность проваливаться сквозь землю?

Иду по залу прилета, попутно поглядывая через стеклянные окна на улицу. Возле такси ее тоже нет.

Где же ты, Вера?

Вера

Прошла мимо толпы встречающих и нашла свободную розетку где-то в глубине зала под лестницей. Никому до меня не было никакого дела. Телефон предсказуемо разрядился, а жилья так и нет. Самое время разрыдаться, и сдерживаться удастся с большим трудом.

Куда же я подевала переходник для зарядки? Провод есть, телефон есть, а переходник...

Твою мать!

Он ведь остался в том самом туалете! Я думала за ним вернуться, когда любовники свалят, а появление Марка спутало все мои планы.

Руки дрожат. Без телефона, жилья и знания языка. В ночи за тридевять земель на неизвестном острове. Класс!

Запихиваю в сумку бесполезный телефон и провод. Ладно, я еще могу купить переходник где-нибудь здесь, верно? Вот с квартирой точно будет сложнее.

Но объяснить с продавцом в магазине технике не смогла. Моего английского явно не достаточно, а греческий я не знаю. Попыталась жестами объяснить, что мне нужна зарядка, показав потухший экран телефона. Стараюсь не кричать. Знаю, что это не поможет иностранцу понять меня, но перейти на крик очень подмывает. Истерика где-то тут, ждет,

когда усталость возьмет свое.

Нужно было соглашаться на предложение Зои. Разбудили бы ту подружку, что такого? Зато забронировали бы мне жилье. Но нет, мне было неудобно беспокоить человека. Что ты скажешь теперь, Вера?

Руки трясутся еще сильнее. Зачем-то пытаюсь дать денег за возможность зарядить телефон, но продавец пытается мне что-то втолковать, а я не понимаю.

Чувствую, что сейчас разревусь. И тогда же слышу с порога на чистом русском:

– Нужна помощь?

Марк в два счета объяснил греку, что мне от него нужно. Эмоциональный продавец всплеснул руками и, не прекращая говорить, сбегал куда-то в подсобку и принес гаджеты, которые, судя по всему, должны подойти.

Выбрала нужный и расплатилась картой. Дрожь в руках все не унимается. Из магазина вышли вместе. Марк молчал, хотя поиздеваться над моей беспомощностью мог от души.

Но он молчал. Вот только жалости мне его и не хватало!

– Спасибо за помощь.

Не уходит. Стоит и смотрит на меня. Не улыбается, а это

плохо. Лучше бы улыбался и издевался, чем стоять с таким серьезным и внимательным видом.

– Тебя что, не встретили?

Не сдержалась, рассмеялась.

– Меня никто и не должен был встречать.

Марк нахмурился.

– Так а куда тебе нужно? Ты остаешься в Ларнаке? Пойдем вместе сядем в такси. Вдруг понадобится помощь? У киприотов не очень с английским.

Покачала головой.

– Спасибо, но мне некуда ехать.

– В смысле?

Не выдержала, потянулась к пакету из «Дьюти-Фри». Перебродившее варенье, говоришь, Марк? Сейчас посмотрим.

Но крышка не поддается, потому что мои же пальцы меня не слушаются.

Молча протягиваю бутылку Марку. Буднично, как будто прошу отвинтить крышку с горошка. Так всегда делала моя мама, когда просила папу, он понимал ее без лишних слов.

Марк легко и послушно отвинчивает крышку. Снова не говорит ни слова, и я благодарна ему за молчание, но не за то едва уловимое нечто, которое проскальзывает между нами во время этой сцены.

Делаю большой глоток из бутылки.

Горло тут же обжигает водка. Кашляю и чувствую, как Марк забирает бутылку у меня из рук. В глаза стоят слезы.

– Сколько в этом варенье градусов? – спрашиваю, откашлявшись.

– Пятнадцать, – серьезно отвечает Марк. – Но это все равно водка с клубничным пюре. Я предупреждал.

Предупреждал. Меня за эти сутки кто только не предупреждал!

Тоже самое я слышала, пока собирала сумку: «Предупреждаю, ты совершаешь самую большую ошибку своей жизни!». Трясу головой, словно это поможет. Не хочу снова слышать этот голос в своей голове, не для того я сбегала на другой конец мира.

Снова тянусь к бутылке, но раньше, чем успеваю забрать, Марк тоже делает несколько глотков.

– Господи, какая гадость! – щурится он. – И как вы девушки это пьете?

Забираю у него бутылку. Второй глоток идет уже лучше. Теперь я знаю, чего ждать от коварного сладкого компота, который способен сбить меня с ног на голодный желудок. Но чтобы прожить этот день до конца, мне нужна храбрость, которая почти на исходе.

Благодаря клубничному «XU-XU», я быстро настигаю состояние, когда еще чуть-чуть и все неудачи я буду вертеть на этом самом «ху-ху».

Марк прикладывается к бутылке куда чаще, чем я. Судя по всему, благородный рыцарь решил не дать мне вылакать бутылку в одиночестве. Теперь мы будем пьяны вдвоем.

– Марк?

– Вера? – не остается в долгу он.

– Передай бутылку. Она вообще-то моя.

Мы сидим на полу, в каком-то углу аэропорта Ларнаки, а за окном начинает светать.

– Да тут вообще остался последний глоток, – Марк трясет бутылкой.

– Хренассе ты пьешь!

Он откидывается на спину и смеется.

– Как ты заговорила! Можем, теперь наконец-то поговорить нормально?

Допиваю «XU-XU». Жаль, взяла всего одну бутылку. Те девчушки знали, что делали, когда полную тележку набрали.

– Короче, Марк...

– Я легко выдерживаю длинные дистанции, Вера. Не надо короче.

Смотрю на него. Мерзавец опять улыбается.

– Ты сейчас о чем думаешь? – спрашивает через хохот.

– Думаю, что ты врешь.

– Это еще почему?! – возмущается.

– Перепихон в туалете нельзя назвать длинной дистанци-

ей. Очень даже быстро всё закончилось.

– Ничего ты не понимаешь, Вера, – отмахивается Марк.

– Объясни.

– Что тебе объяснить? Как заниматься сексом в общественных местах?

Фыркаю.

– Тоже мне наука.

– Еще какая. Но, Вера, лучше ты объясни, почему мы до сих пор сидим в аэропорту?

– Потому что мне некуда идти, – просто отвечаю. – У меня билеты до Кипра и обратно, а жилье я так и не забронировала.

– И это все?

Вздохнула. И снова ответила честно:

– Еще я никогда не занималась сексом в общественных местах.

Снова смеется.

– Ну, этому быстро учатся.

– Нет, короткие дистанции не по мне.

– Я ведь уже говорил, что хорошо выдерживаю и длинные дистанции.

– Еще скажи, что у тебя член ого-го.

Марк закрывает лицо руками.

– Вера, ты, возможно, будешь удивлена... – хохочет он.

– Ладно, сделаю вид, что поверила.

– Не обязательно делать вид.

Еще минуту назад он сидел рядом, теперь почему-то оказался прямо передо мной.

– Вера, ты замужем?

– Нет.

И это честный ответ. После «XU-XU» я не способна лгать. Но Марк допрос не продолжает, хотя мне есть, что рассказать.

– А ты только это спрашиваешь у женщин, с которыми собираешься переспать?

– А мы собираемся переспать? – удивляется Марк.

– С тобой та девица в туалете не кроссворды решала.

Протягивает мне руку.

– Пошли, Вера. В таком состоянии я тебя тут не оставлю.

А я даже не пьяна так сильно, как могла бы. Или кажется? В чем я точно уверена, так это в том, что мне стало легче. И кажется, я готова впустить в жизнь немного приключений.

– И куда ты меня тащишь? – спрашиваю строго.

– К себе. Тебе ведь негде остановиться сегодня. Завтра выписься и пойдешь искать собственное жилье. Если захочешь, – добавил тихо.

– Так, – останавливаюсь посреди аэропорта, но чтобы устоять, приходится держаться за Марка. – Давай расставим точки на «i».

– Давай, но, может, в такси?

– Нет, надо это сделать раньше, чем я окажусь в твоей власти.

Ткнула пальцем его в грудь. Ого. Каменная! Рельеф даже через ткань прощупывается.

– Вера?

– М-м-м? – поднимаю глаза. Опять он стоит слишком близко.

– Что ты хотела сказать до того, как начала меня лапать?

– Ах да. Что тебе не удастся затащить меня в свою постель, Марк.

– А я и не собирался.

Смотрю на него исподлобья и вздыхаю:

– Мог бы и солгать, Марк.

Марк снова смеется.

Марк

По дороге до Лимассола Вера сразу отключилась. Успел поймать ее раньше, чем она приложилась лбом о стекло.

Господи, какая наивная доверчивость. Напиться с незнакомым мужиком и сесть с ним в машину. В незнакомой стране, когда даже не знаешь языка!

Хорошо, что я не тот, кто пользуется невменяемым состоянием девушки.

Серьезно, и вы в это поверили?

Я именно такой, и мои демоны неистово хохочут над этой доверчивостью и строят планы, но все же именно с Верой я так поступить не могу. Черт знает, почему. Во сне у нее такое умиротворенное выражение лица... Она наконец-то расслабилась. Губы приоткрыты, иногда она что-то шепчет, как будто ругается с кем-то.

Нет, не просто так она прилетела на Кипр. Я сам бегу и хорошо чувствую в ней родственную душу. Как пить дать, сбежала от какого-то олуха. Да только попала в пасть к волку.

Не обязательно отвечать честно на вопрос «Замужем ли ты?», как и кольцо носить тоже не обязательно. Но хочу ли я знать правду? Нет. Не хочу ничего о ней знать, хватает и того, что подобрал ее как бездомного котенка. И чувствую к ней что-то похожее. Не жалость, нет. Странное нелогичное

чувство, несвойственное для меня.

Убираю темный локон с ее щеки, крепче обнимаю. Только ради того, чтобы она не вылетела в лобовое стекло, ничего другого. Одна-единственная встреча не способна перевернуть мой мир с ног на голову. Я могу проглотить эту невинную овечку, и меня даже не будет мучить совесть.

Греки-таксисты водят даже хуже арабов, но, боже упаси, сказать им об этом вслух. Мимо проскакивает серебристый седан, и таксист жмет на тормоза. Вера дергается, тело летит вперед. Я перехватываю ее в последний момент, прижимаю к себе, а она даже не просыпается! Можете себе представить? Могла умереть во сне в ДТП черти где и даже не проснулась бы.

Тянусь к ее ремню безопасности.

Незадача. Ремнем определенно нужно пользоваться сидя. Пытаюсь усадить Веру, но ее голова болтается то в одну, то в другую сторону.

Отсаживаюсь к левой дверце и укладываю Веру на сидение. Пытаюсь зафиксировать ее ремнем лежа. Не выходит. Алкоголь, отсутствие сна также действуют на меня, и я соображаю медленнее, чем мог бы. И это бесит.

Как и то, что я собираюсь сделать.

Но ведь так правда удобней. Укладываю голову Веры себе на колени, а рукой крепко обнимаю. Так, даже если я сам ненароком засну, она не скатится и не упадет между сидениями.

Медленно вожу большим пальцем по ее щеке, запуская пальцы в темные волосы. Давно у меня никого не было с челкой... Убираю челку руками и смотрю на высокий белый лоб.

Да, с челкой ей лучше.

Пока расправляю волосы, вижу, как дрогнули веки. Ну же, Вера, разве ты не видишь, как мне скучно, если я даже разговариваю с твоей челкой? Просыпайся и поговори со мной.

Но Вера просто решила повернуться на другой бок.

И теперь губами она упирается мне в ширинку.

Пытаюсь отодвинуть ее лицо или отодвинуться самому, но она тянется ко мне и обнимает.

Пальцы у нее холодные.

Вместо того чтобы оттолкнуть ее, зачем-то прошу таксиста убавить кондиционер. Начинать отпуск с простуды не дело.

Укладываю ее голову себе на предплечье. Мой пах спасен, хотя и недоволен таким развитием событий. В штанах тесно, а лежащая на мне Вера все равно трется об эту часть моего тела грудью.

Пытаюсь сесть иначе. В итоге голова Веры оказывается еще выше, почти на моей груди.

И тогда она совершает первую, но не последнюю для этого дня ошибку.

Она целует меня в губы.

Ее поцелуй такой же нерешительный, как при игре в «Бу-

тылочку», а губы нежные, как лепестки фиалки. Хрен его знает, когда это я так тесно познакомился с фиалками, но ассоциация такая сильная, что не отделаться.

На вкус ее губы как клубника, и это как раз предсказуемо. Она пьяна. И вдобавок ко всему спит. Не знаю, что ей снится, но не хочу быть частью сна, а на утро стать еще и ошибкой.

А это совершенно точно ошибка. Даже краткого знакомства с Верой достаточно, чтобы понять, что на утро она не останется в восторге от пьяного, пусть и страстного секса с незнакомцем. Женщины вообще любят все усложнять, а нам мужчинам приходится мириться с этим или оставаться без секса, верно?

Я не отвечаю на ее поцелуй. Кто-то должен остаться в штанах, и похоже, эта моя миссия, раз уж я здесь единственный не настолько пьян и не грежу на ходу.

Впрочем, Вере все равно. Она терзает мои губы, проводит по ним языком и иногда царапает зубами. Ее поцелуи, как крылья бабочки, почти невесомы.

Вижу, как она сводит бедра вместе и немного их приподнимает, и я прекрасно знаю, что это значит. В тихом омуте, а, Вера?

Она вдруг распахивает глаза и глядит прямо на меня.

Неужели ты не спишь, Вера?

Ее темные глаза так близко, и чем дольше я смотрю, тем меньше во мне остается сил для сопротивления. Я лечу в

омут в этих глаз. Вот я был, мог бороться против желания почувствовать ее, и вот меня не стало.

Сминаю ее губы, и она отвечает мне. Приподнимает бедра, и я знаю, чего она хочет. Дорога слишком долгая, чтобы ждать, пока мы окажемся на месте. Вера лежит боком, и даже в зеркале заднего вида не будет ничего видно. Уж я об этом позабочусь. А еще я буду осторожным.

– Могу тормознуть и взять себе кофе? – вдруг спрашивает таксист на греческом, не поворачивая головы. – Или вы торопитесь?

Вдали горит огнями круглосуточная заправка.

– Конечно, только оставьте машину в тихом месте, чтобы девушку не разбудить.

Таксист послушно паркуется подальше от шумных байкеров и, выйдя, направляется к магазину.

Немедля ни секунды, снова целую Веру, и она тихо стонет мне в рот. Очень тихо, почти на самой грани слышимости.

Расстегнув пуговицу, пробираюсь пальцами под ее джинсы и чувствую исходящий от нее жар. Веду по кружеву трусиков, и она немного раздвигает ноги. Совсем как в самолете. Да, детка, ты ведь именно об этом и мечтала с самого начала нашего знакомства. Ласкаю ее через кружево, которое становится все более влажным.

Ласкаю ее медленно, ее бедра вздрагивают, и она снова их сжимает, стоит коснуться пальцем чувствительных точек. Схожу с ума от жара ее тела. Вытаскиваю руку и облизываю

палец. Едва уловимый вкус ее тела тут же приводит меня в полную боевую готовность.

Хочу коснуться ее по-настоящему.

Возвращаю руку под джинсы и на этот раз проникаю под кружево. От первого касания у меня перехватывает дыхание. От второго я целую ее еще сильнее, углубляя поцелуй.

Вера дрожит под моими руками от нетерпения. Ее тело просит о большем, но это значило бы остановиться посреди трасы и разложить ее прямо на капоте, наплевав на все. И если я не прекращу эту пытку, так все и закончится. И плевать мне на таксиста.

Моей нежной фиалке мало одного пальца. Она сама насаживается на мою руку так, что мне окончательно сносит крышу, и теперь это не она, а я глушу собственный громкий стон. Она примет меня, о да, пусть эта машину только доведет нас до пункта назначения, и тогда я войду в Веру по самые яйца, и она примет меня всего.

Вера близка, она все сильнее сжимает бедра, чтобы, наконец, кончить, но оргазм от нее ускользает. Мои движения слишком размерены, а палец – всего лишь палец.

Можно продолжить терзать ее до самого дома, но такое медленное поджаривание на грани может приносить даже физическую боль, если не удовлетворить желание вовремя, так что это не мой метод. Не с Верой точно.

Я с сожалением выхожу из нее и передвигаю руку выше. Я должен подарить ей освобождение сейчас, все равно нас

ждет долгий марафон сразу после. В этом я уверен.

На смену медленным касаниям приходят быстрые. Вера выгибается в пояснице, вжимается губами мне в щеку. В ее теле рождается дрожь, она задерживает дыхание...

И кончает.

И пока сотрясается в оргазме, а я ловлю отголоски ее удовольствия, она четко произносит мне на ухо:

– Да, Юра-а-а...

Юра это не Марк. Марк это четыре буквы. А какой-то ублюдочный Юра – это три буквы, и пусть катится именно туда.

Максимально откинувшись назад, внимательно смотрю в лицо Веры. И понимаю, что она, черт возьми, спит. Она спала все это время, пока я уже мысленно оттрахал ее во все возможных позах. Спала!

Плохие новости, дружище Марк.

Не из-за тебя она так завелась. Это какой-то Юра постарался. Это именно он имел ее во сне, это для него она стояла и извивалась. А тебя, Марк, только что поимели.

Громко хлопая дверцей, в машину возвращается таксист. От него пахнет дымом сигарет и дешевым «нескафе».

– Ну что, готовы ехать дальше?

Я не готов. Я хочу развернуть такси обратно в аэропорт, оставить там эту женщину и пусть разбирается со своим разбитым сердцем самостоятельно, но тогда же, вздрогнув от резких звуков, Вера снова распахивает глаза.

Теперь уже по-настоящему.

Пока она моргает и пытается осмыслить происходящее: где мы и что происходит, я снова заморожен ее бездонными глазами и мне хочется смотреть в эти глаза, пока я буду входить в нее. Именно я, а не какой-то там Юра!

– Знаете, подождите еще чуть-чуть, – вдруг говорю я таксисту. – Я бы тоже выпил кофе.

С виски. Треклятым греческим узо. Да с чем угодно, лишь бы в этом напитке был градус.

А еще мне надо вымыть руки. Мои руки теперь пахнут ею, а я не имею на это права. Пусть я все еще хочу облизать каждый палец, которым касался ее, но правильнее будет безжалостно вымыть руки и как можно скорее.

Прежде, чем Вера начинает возмущаться, что это я себе позволяю и почему она лежит у меня на руках, пересаживаю ее на сидение и выхожу из машины.

Ночной холод отрезвляет. Это днем на солнце еще жарко, но ночи напоминают о том, что зима уже близко, и из-за высокой влажности и отсутствия нормального отопления я не люблю зимовать на Кипре. Я пытался. И в такие моменты чувствовал себя одинокой белкой в зимнем опустевшем ле-

су, пока шатался по закрытым на зиму тавернам в поисках нормального кофе.

– Марк!

От ее окрика вздрагиваю, как от удара хлыстом. Вера все-таки помнит, как меня зовут.

И что я не Юра. Имя-то какое, никогда не нравилось. Видимо, не зря.

Не оборачиваюсь, но Вера быстро нагоняет меня у входа в магазин. Обнимает себя руками, дрожит.

Еще минуту назад ее также колотило в моих руках от оргазма. И тогда я мог ее обнимать. В глазищах смятение и шок, когда произносит:

– Марк, а где мы?

– На заправке, – говорю очевидное.

Вера выглядит помятой и сильно сбитой с толку, когда идет следом за мной в магазин, а мне впервые в жизни тошно из-за того, что так хочется язвить. Мне ее жаль. Хочется обнять, чтобы не мерзла, но если я сделаю так даже по-дружески, после сразу же зажму ее в каком-нибудь темном углу и уже совсем не по-дружески.

Поразительно, как меня задело существование какого-то там Юры в жизни Веры.

Ведь все мои невесты всегда изменяли своим без пяти мужьям. Я знал о том, что эти женихи существуют, иногда знал даже их имена, пока выслушивал о том, как у них все плохо в постели и это еще даже до свадьбы. Но меня никогда не

называли чужим именем! Меня никогда не путали ни с кем другим!

Уязвленное самолюбие вопит о том, что нужно сделать так, чтобы Вера до хрипоты выкрикивала именно мое имя. Нужно сделать так, чтобы она вообще забыла о существовании других мужчин.

Но я слежу за ней, за тем, как она аккуратно перебирает в руках магнетики в форме Кипра, и вижу в ее глазах то, чего не видел ни у одной из своих невест. На меня никогда не смотрели так, как Вера смотрит даже на чертовы магниты. Похоть – да. Страсть или голод – тоже знакомо.

Вера с тоской перебирает сувениры. Думает, гадает, понравится ли Юре ламинированный магнит с картой острова или магнитик в форме осла¹?

Осла ему привези, Вера, потому что твой Юра и есть настоящий осел, если отпустил тебя.

– Ваш кофе.

Вместе с бумажником в кармане пиджака нахожу визитку. На ней женское имя, которое мне ни о чем не говорит.

Черт возьми, это же рыжая «привет» оставила. Вот за чем приобняла на прощание. Верчу визитку в пальцах и чув-

¹ Ослы – являются символом острова Кипр. Их изображение часто можно встретить на сувенирной продукции. Кипрский ослик – особая порода, обитающая на средиземноморском острове. На Кипре ослы даже охраняются на законодательном уровне – за причинение вреда животному виновнику угрожает крупный штраф или лишение свободы на срок до 7 лет. Туристы приезжают на специальные фермы осликов и с удовольствием неспешно катаются.

ствую себя вершителем судеб. Могу выбросить, и тогда ры-
жую ждет совсем другое будущее. А могу сделать так, чтобы
измена в туалете не сошла ей с рук.

Не смотрю на Веру, но чувствую, что она рядом. И с этой
наивной хорошей девочкой надо завязывать.

Прячу визитку в бумажник.

Мой удел – шлюхи.

Вера

Из вагона аэроэкспресса вместо того, чтобы устремиться к аэропорту, я замерла на перроне и обернулась на голос.

Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, ведь Юра пошел за мной! Не отпустил, не отвернулся в последний момент к экрану планшета, а побежал за мной.

Он наконец-то сделал выбор в мою пользу.

Осыпая мое лицо поцелуями, шептал о том, как ему повезло и что он согласен пожениться, если мне это так важно, что пусть он и отрицает институт брака, как устаревший ритуал, ради меня он пойдет на этот шаг. Все-таки шесть лет вместе, а он все еще без ума от меня.

Он втолкнул меня в пустой вагон поезда, и мы впервые целовались так, как, должно быть, не целовались даже в студенческие годы. Дыхание перехватило, а его язык такое творил у меня во рту, что голова шла кругом.

Поезд пришел в движение, и нам повезло: вагон так и остался пуст, и Юра тут же расстегнул мои джинсы и проник рукой под одежду. На ум пришли чьи-то слова, что к сексу в общественных местах легко привыкнуть, и почему-то закралась мысль, что Юра не смог бы сделать это, но трезвые мысли смела лавина возбуждения...

Юра любил меня так умело, так нежно и требовательно

одновременно, как никогда раньше. Сосредоточился только на моих ощущениях, а не пытался подгонять, впервые только мое удовольствие для него имело значение.

Сидя у него на коленях, в пустом вагоне поезда, пока его пальцы хозяйничали у меня в трусиках, я кончила и выдохнула его имя.

И тогда же проснулась.

Первым кого, я увидела, был Марк.

Только в моем фальшивом сне Юра говорил о любви и о том, что согласен поступиться принципами и жениться на мне. В реальности Юра не стал останавливать меня и не побежал за мной. Только крикнул вслед, что я совершаю самую большую ошибку в своей жизни, если думаю, что смогу шантажировать его вот такими побегами. Неудивительно, что во сне подсознание подсунило именно те слова, о которых я так мечтала последние шесть лет.

В реальности я снова была в одной машине с незнакомцем, на другом конце света, на острове, где мне обещали пляжи и теплое море, а пока было только жутко холодно и темно.

Очень болела голова после выпитого, и было стыдно за собственный сон, которому надо же было присниться рядом с этим Марком, который наяву легко вытворает то, о чем я могу только фантазировать.

Я выбралась из такси следом за ним, потому что вдруг стало страшно, что этот греческий таксист сейчас даст по газам и уедет в какую-нибудь кипрскую глушь вместе со мной

на заднем сидении. Киприот-водитель еще и перехватил мой взгляд в зеркале заднего вида и как-то странно улыбнулся, так что я спешно открыла дверцу и побежала следом за Марком.

Смотреть в глаза Марку было стыдно. Не знаю, стонала ли я во сне, трогала ли себя или его, не дай бог. Когда я пришла в себя и сбросила остатки сна, он уже вышел из машины.

Я, конечно, плохо знаю Марка, но насколько могу судить по тому, что видела, шутки о моих эротических снах стали бы темой номер один, а если он молчит, может быть, мне удалось избежать позора?

Сам Марк на меня тоже почти не смотрел. Так, мазнул взглядом. Оно и понятно, после той рыжей нетрудно представить какими были другие его женщины. Мне с ними не тягаться, да никто и не предлагает.

Чтобы хоть как-то занять себя, пока Марк пьет кофе, рассматриваю сувениры. Мне некому везти их. Коллегам с работы? Так ведь придется объяснять, как это мы вдруг полетели на Кипр и как прошел отдых. А я не знаю, каким он будет – вообще я собиралась проплакать всю неделю. Может быть, тем и займусь. Вот выставит меня Марк в городе, в который мы едем, и начну.

И не Юре ведь везти магнитик. Он никогда не привозил их из своих деловых поездок, а в наш единственный совместный отпуск обмолвился, что все эти сувениры бесполезные пылесборники.

Даже маме привезти не могу, успела написать ей, что еду к подруге на дачу и что там плохо со связью. А потом я ей – бац! – и вручу магнитик в форме Кипра. Ну да, ну да, случайно купила в электричке.

Меня все еще потряхивало от оргазма. Поразительно, какими реалистичными бывают сны.

Юра никогда так не вел себя со мной. Никогда не распускал руки в общественных местах и, по правде говоря, я вообще редко успевала кончить, хотя он старался, но... Все-таки шесть лет вместе, наверное, со временем тело перестает так бурно реагировать на знакомого мужчину, да?

Если бы я прожила шесть лет даже с тем же Марком, однажды я бы тоже начала считать ворон в постели во время секса, правда же?

Марк перехватил мой взгляд, потому что оказалось, что я так и смотрю на него через весь зал. Я тут же отвела глаза. Потом допил кофе и ушел в уборную. Будь на моем месте та рыжая из аэропорта, наверное, они ушли бы вместе. Хотя, блин, я вижу в нем какого-то помешанного на сексе маньяка... Может быть, он совсем не такой.

Вернувшись, он также молча прошел к выходу из магазина. Может быть, просто устал. А может быть, это я выгляжу так, что со мной ни флиртовать, ни говорить не хочется.

Тем не менее, он открыл для меня дверь машины и пропустил вперед. После сел сам и, пока таксист выруливал с парковки, по-видимому, объяснял, куда ехать дальше. Гово-

рил он на греческом, довольно бегло и без заиканий, значит, хорошо знал язык.

Водитель косился на меня и по-прежнему странно улыбался в зеркале заднего вида. Черт возьми, хоть бы мы больше не останавливались и скорей приехали.

Закончив разговор, Марк откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Я видела, что он не спит, но никаких приличных тем для разговора придумать не могла. Нельзя же вот так спрашивать мужчину чисто из интереса, если бы я пошла с тобой, ты бы сделал это со мной в туалетной кабинке?

И самое главное, что потом делать с его ответом?

Марк

Никогда еще дорога до Лимассола не была такой тяжелой, как этой ночью.

Даже жидкое мыло с фальшивым запахом океана в туалете заправки не перебило запах на кончиках моих пальцев, от которого у меня стоял так, что аж больно. Пришлось снять пиджак и набросить на колени.

Еще и водитель с его разговорами о новобрачных... Понятное дело, хотел заработать, предлагал услуги фотографа, мол, у него брат его жены отлично снимает свадьбы. Решил, что мы с Верой приехали на Кипр, чтобы расписаться.

Сказал, мы отлично посмотримся вместе, ха-ха. Так я ему и поверил.

Очень удивился, что мы не пара. После поцелуев, которые он видел и, несомненно, слышал, это действительно должно быть странно, но ведь так и есть.

Просто я видел сон наяву, который Вера видела во сне. Вот и все.

Не стал переводить Вере, о чем говорил с водителем, хотя это невежливо по отношению к ней, которая на греческом не говорит. Но я не могу ни о чем говорить с Верой. Единственный вопрос терзает мой мозг и заговори я с ней, это выглядело бы так:

– А кто такой Юра?

– Хочешь в туалет? Или может быть, к Юре?

– Тебе не холодно? А тогда попроси Юру тебя согреть.

Кстати, кто это?

– Знаешь, что сказал только что водитель? КТО ТАКОЙ ЮРА, МАТЬ ТВОЮ?!

Поэтому я молчу. Так удастся сохранить хоть какое-то лицо рядом с ней, женщиной, которой до сих пор пахнут мои пальцы.

Это безумие, но каждый раз, когда я подношу их к лицу, я чувствую этот запах. Я хочу слизать его с кожи, своей или ее, и представляю, какое у Веры будет лицо, если, как трехлетка, я начну сейчас облизывать перед ней руки.

Знаю мужчин, которые брезгают доставлять женщине удовольствием языком. Знаю женщин, которые никогда не делают минета. Несчастливые люди, которые обделяют себя, мне же мало того, что было. Мало того, что ощутил пальцами. Я хочу развести ее ноги и увидеть, разглядеть, изучить, узнать, с какой стороны Вера чувствительнее, как она реагирует на укусы там, как...

Но... Юра.

Юра, интересно, целует ее там? А как он это делает – медленно, смакуя, или набрасывается на нее, как голодный пес?

Она кричит его имя до хрипоты во время секса? Какой длины у Юры член?

И почему, мать его, он не воспользовался мозгом, когда

отпускал Веру черти куда?!

«Юра» мое персональное стоп-слово на сегодня. И пока я повторяю его, ощущения такие, как будто режу себя тупой бритвой.

К концу поездки Юра становится таким же осязаемым, как дверца под моим локтем. Он мне уже как близкий друг, я успел его о многом расспросить и что еще хуже, я даже представил его внешность. Конечно, и член ого-го, и плечи шире моих, и зарабатывает он до хрена, так что просто не может уехать из города, потому что за ним толпами ходят инвесторы, предлагая профинансировать его крутые стартапы.

Юра молодец. Юра лучший.

И уж, конечно, у них с Верой все зашибись в постели: секс каждый день и никакого быта. Только лучшая еда из ресторанов и доставка свежих цветов каждое утро, которое, разумеется, начинается не с кофе, а с оргазмов.

Ненавижу тебя, Юра.

Пока расплачиваюсь с таксистом, Вера разглядывает оплетенные красными листьями декоративного плюща ограждения. Совершенно неправильно везти ее к себе, но на

поиски жилья в шесть утра ни у кого из нас нет сил.

Подхватил ее сумку и повел к калитке.

– Сначала душ и сон. Потом помогу тебе с поиском жилья, идет?

Она не успевает ответить, потому что зевает. Значит, не против.

– Ты снимаешь дом? – Вера водит пальцем по металлическим узорам на решетках, пока я пытаюсь найти ключи.

– Нет.

Она не спрашивала деталей, а чужим людям я не говорю больше, чем следует. А давайте взглянем правде в глаза: Вера мне никто. Через несколько часов мы навсегда распрощаемся. С ней и с Юрой, удачливым сукиным сыном, которому досталась эта женщина.

– Ясно, – кивает Вера.

Ее задел мой ответ. Обычно с ней так не говорят. И я бы мог попробовать рассказать о том, как выбирал и как долго искал этот дом, но... Юра.

Открываю калитку и пропускаю Веру вперед. По мощной дорожке она идет к двухэтажному дому, а я только сейчас понимаю, что у меня нет гостевой спальни или какой-то другой комнаты с запасной кроватью.

Кровать у меня в доме одна, и именно на ней я трахаю тех женщин, которых обычно я приглашаю в свой дом. Других целей для визита у них обычно нет, а значит, и другое спальное место им не нужно.

Что ж, это Юре везет, а Марку – нет. После тяжелого ночного перелета Марк будет спать на полу.

Впрочем, состояние у меня такое, что я даже стоя усну.
– Здесь красиво.

Вера осматривает заросший сад, в котором зеленый цвет переплетается с красным. Осень, как хитрая лиса, уже прячется в его зарослях.

– Море где-то рядом? – Вера делает глубокий вдох и закрывает глаза. – Или мне кажется?

– Рядом.

Удастся проглотить фразу о том, что я обязательно покажу ей, как найти море. Не покажу. Сама найдет.

– Там качели?

Смотрю в глубину сада. Сразу представляю, как Вера сидит на мне, а широкие, как садовая скамья, качели раскачиваются от сильных движений моих бедер.

Черт.

Дом пахнет пылью и сыростью. Вот никогда не думал о том, какое впечатление на женщину производит мой дом, а теперь жалею, что не нанял клининговую фирму. Если бы они наводили порядок перед моим приездом, тогда мое жилище не напоминало бы заброшенную берлогу.

Убранство скромное: белые отштукатуренные стены, кафельный пол, по которому так приятно ходить в жару. Угловой диван – он, кстати, раскладывается или нет? – лестница на второй этаж, пара кресел у телевизора на стене, в глубине

открытая кухня и еще одна дверь в сад.

– Красиво, – говорит Вера.

– Идем, покажу спальню.

По деревянной лестнице поднимаемся на второй этаж. Там две комнаты – спальня и кабинет, а посередине ванная, о чем Вере и сообщаю.

Занес ее сумку в спальне и замер от вопроса:

– А где ты будешь спать?

Она внимательно смотрит на меня. Я бы даже сказал с заботой.

– На диване.

– Почему на диване?

Потому что «Юра».

– Там же, наверное, неудобно?

– Удобно.

Хотя я в не имею ни малейшего понятия, каково там спать.

– Давай лучше я...

– Поспишь на диване? Да брось, все в порядке. Ты же гостья.

– Точно?

– Да.

И мы снова вместе смотрим на кровать.

– Вера...

– Что? – быстро реагирует она.

– Сменное белье в комоде.

Она, кажется, хочет о чем-то снова спросить, но вовремя умолкает. Правильно, Вера.

Ты тоже знаешь «стоп-слово», и оно у нас общее.

Бегу из собственной спальни. Изучаю диван, дергаю и так, и эдак, но ничего не происходит. Похоже, он не раскладывается. Да и хрен с ним. Подкладываю под голову одну из диванных подушек, вытягиваюсь и отрубаясь прямо в одежде.

Вера

Не знаю, сколько проспала, проснулась из-за того, что жутко холодно. Толстое одеяло, под которым я надеялась согреться, оказалось сыроватым, так что после пробуждения у меня зуб на зуб не попадал. Но на острове вообще непривычно высокая влажность, так что почти все кажется сырým.

На часах около кровати почти девять утра. В принципе, можно начинать искать жилье. Все равно не спится, в отличие от Марка. Снизу отчетливо доносился храп.

Марк отказался спать со мной в одной постели. Нет, я не собиралась приставать к нему, ему все равно это не нужно, видели бы вы, как он смотрит сквозь меня пустым взглядом, просто... Все равно обидно, когда твоей компании мужчина предпочитает неудобный жесткий диван. Это уже говорит о многом.

Решила сходить в душ, чтобы согреться. В ванной комнате предусмотрительно огляделась в поисках полотенец, но на крючках не было ни одного. Вот же узкий шкафчик возле раковины, может там?

Но в шкафу наткнулась совсем не на то, что искала: вместо полотенец там хранились коробки с презервативами и всевозможные смазки в разноцветных тюбиках. Ничего себе запас на случай апокалипсиса.

А это у нас что?

Внимание привлекла необычная штукавина – похожа на пробку для бутылок только больших размеров и украшена набалдашником в виде сердечка из розового стекла. При всей моей наивности, я все-таки читала «50 оттенков серого», так что сразу поняла, куда и зачем.

Значит, обойдусь без полотенец.

Стоя босыми ногами на кафеле, в одной футболке, включила душ. Окоченела уже совсем к этому времени, а мечты согреться под горячим душем таяли на глазах – вода текла только холодная.

А еще в голове, как на зло, вертелись вопросы: каково это, ощущать в себе эту пробку? Каково вообще спать с Марком? Может быть, все не так хорошо, как кажется, поэтому он и прибегает ко всяким приспособлениям?

«50 оттенков», в свое время, произвели на меня яркое впечатление, особенно сцена с шариками внутри героини. Хотелось испытать что-то похожее и на себе, но было страшно, да и не решилась бы я провернуть такое в одиночку. Попыталась поделиться идеями с Юрой, но он только отмахнулся от моих бредовых извращений.

«Бабе нужен хороший член, – сказал он. – Это только тем мужикам, у которых с членом беда, приходится извращаться...».

Знаю, грубо, но таков уж Юра. Таким он был всегда, грубоватым и прямолинейным.

Мы познакомились на первом курсе, и он стал моим первым. Я не знаю, каково это – быть с другим мужчиной, кроме Юры у меня никого не было. Но мне всегда казалось, что секс он и в Африке секс. Но разве та рыжая отдалась бы Марку, если бы секс с ним был похож на то, что вытворял в постели ее муж или парень, который следил за багажом, пока она отжигала в туалетной кабинке?

И почему у Марка имеется полный шкафчик всяких приблуд для секса, если у него – а я уверена, что это так, – с членом полный порядок?

Неужели процесс все же может отличаться?

Не представляю, каково это чувствовать на себе другие руки, не говоря уже о большем. А вдруг другому мужчине, оказавшемуся со мной в постели, понравилось бы то, что никогда не нравилось Юре? Например, поза наездницы?

Юра говорил, что ничего не чувствует, когда я сверху. И как только наша половая жизнь ограничилась несколькими позами, так я и перестала испытывать удовольствие.

«Ты вся такая зажатая, Вера, – говорил Юра. – Может хватит ждать, что я все сделаю за тебя?»

А мне просто-напросто было больно, вот откуда взялась вся моя зажатость, но я почему-то не говорила ему об этом. Что там, потерпеть эти шесть с половиной минут, верно?... Я ведь люблю его и хочу, чтобы ему было хорошо со мной.

Только Юра не собирался терпеть того же ради меня. Ему было проще отказаться от позы «Вера сверху», раз он ничего

не чувствует при этом.

Все-таки разрыдалась, черт возьми. Как по расписанию. Обещала себе, что начну рыдать, как приземлюсь, и вот, получите, распишитесь.

Глотая слезы, снова уставилась на содержимое порно-шкафчика

И тут:

– Вера! – гроыхнуло за дверью.

Я подпрыгнула на месте. Тут же потянулась к дверце, чтобы закрыть шкафчик, но промахнулась – и смахнула пробку на пол. Мое сердце остановилось, пока пробка, словно в замедленной съемке, летела на кафель.

Стеклянное сердце разлетелось вдребезги.

Вот теперь я точно разревелась в голос. Хотя и до этого не сильно сдерживалась, а ведь стоило подумать о том, что своими завываниями я могу разбудить Марка.

– Вера! – взревел он за дверью. – Что случилось?!

Дрожащими руками попыталась собрать осколки, пока Марк, судя по звукам, выламывал дверь. Щеки горели. Слезы мешали видеть. Очень хотелось провалиться сквозь землю. Мало того, что копалась в его вещах, так еще и испортила их.

Дверь сдалась под его напором и с грохотом отлетела к стене, а на пороге возник Марк.

Чувствую его даже спиной, хотя все еще стою на коленях на полу. Футболка задралась, но я сверкаю только трусика-

ми, которые, слава богу, не успела снять.

– Я слышал, как ты плакала... Вера, что... Что ты делаешь? – он запнулся.

Увидел, что весь пол в красных осколках. Вдруг это была его любимая пробка? Ну или той женщины, в которую он ее... вставлял?

– Прости, – всхлипнула я. – Не знаю, как так вышло! Я не должна была трогать, я искала полотенца, чтобы принять душ... Ты впустил меня в дом, а я... Прости, Марк, я...

– Это всего лишь стекляшка, Вера.

Голос хриплый, низкий. Похоже, Марк вне себя от гнева.

Марк

Играла музыка, улыбались люди и звучали тосты. Я сразу узнал ее: сто раз виденная во снах и один раз пережитая наяву церемония. Снова и снова я шел через зал, принимая поздравления, и щеки ломило от постоянной улыбки.

Я ничего не мог с собой поделать. Стоило увидеть ее, и я опять улыбался.

Громкие пожелания вечного счастья, крепкой семьи и прочая, прочая, как ни парадоксально, все это, наоборот, разрушило мой брак. Я только увидел, как мелькнула за дверью юбка. Помню, что даже улыбнулся. Не могли, что ли, обойтись без этой глупой традиции похищать невесту? Впрочем, что взять с этих дурацких свадеб?

Я вырвался из объятий очередного пьяного родственника и последовал за дверь, напрямую за ней. Коридоры, коридоры. Лучший отель в городе, я снял его целиком. Для всех ее родственников из дальних городов, для всех едва знакомых одноклассниц и одноклассниц, лишь бы она могла покрасоваться перед ними в самом лучшем свадебном платье.

Оно так ей шло.

Я мечтал о том, как сниму его с нее. Как переступлю через сброшенные сатиновые юбки, а свою законную жену, наконец, отлюблю на кровати. Целый месяц она только отшучи-

валась традицией: «Нельзя до свадьбы» – и убегала от меня. Я держался.

Коридоры, коридоры. Я шел, как ищейка. Я слышал ее голос и чей-то еще – и улыбался. Коварный план не удался. За поворотом хлопнула дверь какого-то номера, а значит, я почти нагонял тех, кто похитил мою невесту.

Может быть, мы даже сделаем это с ней прямо сейчас, пока на первом этаже в ресторане водят хоровод наши гости. Я сдержал свое слово и сдержался сам – женился на ней и не спал с ней до самой свадьбы, как она сама того хотела.

Стоило представить, как я задеру все ее юбки прямо сейчас, как мои шаги ускорились. Увидел на ручке люкса табличку «Не беспокоить».

Надеялись, что таблички хватит, чтобы отвадить любопытных. Им настолько было невтерпех, что они даже не стали закрываться на ключ.

Я толкнул дверь и увидел свою новоиспеченную жену на коленях с чужим членом во рту.

Тогда же я проснулся.

И услышал ее.

Не до конца проснувшись, подорвался с дивана и взлетел вверх по лестнице. Передо мной, как во сне, снова оказалась запертая дверь, и это было выше моих сил.

Я выбил ее плечом. И замер на пороге, шаря взглядом в поисках мужика. Где ты, куда сбежал на этот раз? Моргнул, раз и два, протер глаза кулаками и понял, что уже проснулся,

а все еще живу кошмаром. Нет здесь мужика. Ему неоткуда взяться в моем доме и в ванной.

А эта женщина на коленях совсем другая.

Анализировать обстановку чертовски сложно: как ни крути, а это утреннее пробуждение, так что в штанах очень тесно. Но утро не единственная причина.

Вера стоит на четвереньках, выставив кверху попку в обычных белых хлопковых трусиках. Короткая футболка задралась, обнажая ямочки-впадинки на пояснице.

Мать Божья.

Вера за что-то извиняется и рыдает в голос, и я, наконец, вижу осколки, а в ее руках анальную пробку, купленную когда-то давным-давно. Красное сердечко в заднице отлично смотрелось на фотках. Невестам нравилась. Женихам не очень.

– Это всего лишь стекляшка, Вера, – пытаюсь ее успокоить, но, видимо, не выходит.

Она рыдает пуще прежнего.

Сидя на пятках, с пробкой в руках. Дай мне сил, Господи, не думать о том, как пробка будет смотреться в ней.

Иду по осколкам разбитого сердца, что очень символично, если вздуматься. Поднимаю Веру на ноги, и она прячет лицо у меня на груди, продолжает извиняться.

Как ножом по сердцу.

Ожившие в памяти кошмары услужливо подсказывают, что даже после того, как я застукал собственную жену за из-

менной, она не раскаивалась также сильно, как сейчас эта полуголая женщина.

– Это ерунда, – говорю, пытаюсь отодвинуться от нее.

Вера, как на зло, жметя ко мне еще сильнее.

– Ты злишься, я знаю, – всхлипывает она.

Ни черта ты не знаешь, Вера, хочется ответить резко, но, если сорвусь, Вера примет это на свой счет. Глажу ее по голове, по растрепанным темным волосам. Стараюсь остановить руку где-то в районе лопаток, но ладонь предательски ползет ниже.

Вера продолжает говорить о полотенцах, душе и холодной воде, а я в сердцах обзываю себя последними словами.

– Прости, не предупредил. Тут солнечные батареи. Их надо было заранее включить, чтобы вода нагрелась. Слишком спать хотел, не подумал...

Она шмыгает носом, и я чувствую, как она дрожит.

– Ты замерзла.

– Очень, – кивает она. – Прости еще раз.

– Хватит извиняться. Это ерунда.

Вера заглядывает в глаза, явно ждет, что я добавлю что-нибудь еще. Например, что совсем не пользовался этой пробкой или что даже не знаю, как она тут оказалась.

Я молчу. Не хочу быть в ее глазах лучше, чем я есть на самом деле.

Убираю свои руки от нее.

– Марк?

Вера ловит меня за руку.

– Поцелуй меня.

Так резко оборачиваюсь, что чуть не падаю. Она пробирается ко мне под одежду, и ее руки действительно ледяные. Прижимается на этот раз всем телом и замирает.

Она в моем доме. В одной футболке, ткань которой топорщат соски, и при этом дрожит, как осиновый лист.

Поцеловать ее.

И тогда я смогу раздеть ее. Стянуть с нее футболку, провести языком по этим соскам и избавиться от трусиков, почувствовать на губах вкус, который свел с ума еще в такси. А после оттрахать так, чтобы именно мое имя она произнесла в момент оргазма.

От картинок перед глазами член в штанах дергается. И это не укрывается от Веры, которая прижимается к нему животом.

Я видел слишком много измен, чтобы сейчас позволить себе сорваться с тормозов. Как и рыжая в аэропорту, они точно знали, на что шли и почему. Их бесстыжие глаза раздевали и трахали меня даже откровенней многих мужских взглядов. Когда они отсасывали или позировали с пробкой в заднице, пока я снимал их, в их взгляде не было ни капли раскаяния, сожаления, стыда.

Не было всего того, что было сейчас в глазах Веры. Она попросила всего лишь поцеловать ее, потому что не могла просить о большем. Надеялась, что я, как сорвиголова, сразу

возьму ее здесь у стены, нагнув над ванной.

Только зачем тебе это, девочка? Чтобы ненавидеть себя?

– Ты ведь хочешь... меня.

Она произносит это даже с каким-то удивлением. Сомневалась во мне или в себе?

– Хочу.

Даже не буду спорить с этим.

Веду большим пальцем по мокрой от слез щеке и касаюсь губ. Она закрывает глаза.

– Хочу, но не могу. Я сплю только со шлюхами.

Ее глаза тут же распахиваются. Вера отшатывается от меня, а я задаю следующий вопрос:

– Что ты хочешь доказать себе, если переспишь со мной?

Вера пятится к выходу из ванной.

– Ничего... – трясет она головой.

– Тогда зачем тебе я?

– А зачем тебе нужна была та женщина в аэропорту?

– Не пытайся заговорить мне зубы. Я знаю, зачем она нужна была мне, как и она знала, что я могу ей дать. А ты, Вера? Зачем тебе спать со мной?

Вера молчит.

– Ты шлюха, Вера?

Она разворачивается и бежит в спальню.

Хватаюсь за косяк. Больно. Очень больно. Смотрю на разводы крови на кафеле. Слышу рыдания, шорох одежды и быстрое бегство по лестнице, пока сам с каким-то извра-

ценным удовольствием и старанием выковыриваю из пятки осколок стекла.

Громко хлопает входная дверь.

Так и надо было, Вера. Так и надо было поступить с самого начала, хотя сейчас ты мне и не веришь. Волки не приводят домой зайчишек, не обнимают их, не целуют и не занимаются любовью.

Мой внутренний волк рвет и мечет. Он голоден и зол. Он жаждет крови и мести.

Прыгаю на одной ноге к оставленному на первом этаже телефону. Вытаскиваю из бумажника визитку.

Марианна.

Набираю номер.

Марк

Табак в кальяне был густым и терпким, а виски в бокале выдержанным. Над морем давно потух закат, и вместе с солнцем ушла жара, уступив место сырому ветру, из-за которого даже после выдыхаемого фруктового дыма на языке остается соленый привкус.

Море рядом. Бьется темным маревом о сваи террасы, и деревянный пол ритмично подрагивает. От воды тянет холодом, и сидящая напротив Марианна зябко кутается в выданный официантом плед.

Конечно, она пришла. Такие, как она, всегда приходят. Выпускаю в беззвездное небо струю дыма и спрашиваю: – Что ты сказала ему о том, куда пошла?

Марианна щурится, как кошка. Такие разговоры щекочат ей нервы. О таких приключениях потом рассказывают подругам, чтобы они умирали от зависти.

– Ночь перед свадьбой жених должен провести отдельно от невесты. Это традиция.

Кашляю, подавившись глотком виски. Все они шлюхи. Раз за разом я убеждаюсь именно в этом.

– Так твоя свадьба завтра?

– Ага, – многозначительно накручивает рыжий локон на палец.

– Выходит, у нас мало времени в запасе.

– Уж точно больше, чем в прошлый раз, – хмыкает она.

Вспоминаю, что из-за того раза в туалете Вера посчитала меня скорострелом.

Допиваю виски. Курю: густой белый дым ползет через ограждение террасы и, падая, качается на темных волнах. Потом исчезает. Однажды воспоминания о Вере тоже исчезнут. Нужно только время.

– К тебе или ко мне? – спрашиваю, щурясь от дыма.

Нам не нужно заигрывать, флиртовать и намекать, мы оба прекрасно знаем, что хотим от этой ночи. Но из нас двоих только Марианна верит, что все это пройдет без последствий.

– К тебе, – отвечает она.

Это значит, что в отеле ей появляться нельзя. Его номер может быть даже рядом или на том же этаже. Она боится. Ведь играть и проигрывать это не одно и то же, правда, Марианна?

Подзываю официанта и расплачиваюсь.

– Идем.

– Может, на такси? – она поднимается, но стоит, держась за стол. Ее шатает. Удивительно, что речь при этом довольно внятная.

– Здесь недалеко.

Делает пару шагов и виснет на моем плече.

– Ох, я не дойду.

– Когда это ты так набралась?

Со мной она выпила всего один martini. Получается, я просто не заметил, что она пришла ко мне уже теплая.

– Да еще с утра... Комплимент от отеля в честь свадьбы, потом шампанское с устрицами на завтрак и все такое. Дай я немного посижу. Может, станет легче.

Отпускаю ее на диван возле другого столика, в центре крытого зала. Здесь уже горят газовые жаровни, чтобы посетителям было теплее. Смотрю вдаль, на ползущую вверх улицу. Она не дойдет до моего дома сама, но не тащить же ее на себе?

Снова смотрю в ее ословевшие глаза.

– Ты сегодня вообще ела?

– Не помню.

Подзываю официанта и заказываю традиционный «Авго-лемоно»: густой куриный суп с яйцом и лимоном. Смотрю, как она беспомощно подпирает руками щеки, чтобы удержать голову на месте, как будто это может остановить головокружение.

Время. Мне нужно время, и однажды я перестану видеть другую.

Вместо рыжих волос темные, вместо синего топики – простую белую футболку. Такую же пьяную в аэропорту на сумках, где она пила из горла крепкий фруктовый компот. Где она? Что с ней стало после бегства? Это ее второй день на острове, и с самого утра я бью себя по рукам, чтобы не об-

звонить полицию и морги. Просто на всякий случай.

Очень может быть, что теперь напившиеся и отчаявшиеся мне всегда будут напоминать о Вере.

Прошу официанта повторить виски. А Марианне заказываю крепкий кофе.

Учуяв запах чеснока в соусе, который принесли вместе с супом и питой, Марианна хмурится.

– Ненавижу эту чесночную бурду, а мой, представляешь, постоянно... – и тут же затыкается.

Хватило мозгов не обсуждать со мной будущего мужа. А значит, не настолько пьяна, как казалось поначалу. Значит, после супа и кофе ей точно станет еще лучше. Мой телефон заряжен, а в принтер заправлена новая пачка бумаги. Вечер станет незабываемым. Для нас обоих.

Откидываюсь на спинку и лениво оглядываю другие столики.

При виде пары за дальним столиком виски встает поперек горла, а внутренности скручивает узлом.

Да вашу ж мать! Вера-то здесь что потеряла?!

Вера на меня даже не смотрит, а я просто не в силах ответить взгляд в сторону. Только вчера я сделал все, чтобы выгнать ее из дому, а теперь смотрю и не узнаю. Кажется, она загорела? Ходила на пляж? Отдыхала?

Да как так-то?

А что ты хотел, Марк? Чтобы она похоронила себя заживо, потому что встретила такого мерзавца, как ты?

– Будешь допивать?

Смотрю в упор на женщину за моим столиком, словно не понимаю, кто она и как здесь оказалась.

– Что такое? – удивляется Марианна. – Ты аж в лице изменился. Случилось что?

Киваю. И снова смотрю на Веру. Я не смотрел на нее уже целую вечность.

– Знакомая? – снова прерывает она тишину. – Или бывшая?

Смотрю на Марианну, как на сумасшедшую.

– Судя по твоему растерянному виду, – хмыкает она, – ты не очень хочешь, чтобы она тебя заметила.

С одной стороны, я как раз очень хочу, чтобы она увидела меня вместе с Марианной. Так – будет проще. Это расставит все по своим местам.

А с другой – прикидываю варианты, как сбросить Марианну в море прямо с террасы.

Вера меня не видит, не меняя позы, задумчиво смотрит на море, а у парня напротив нее рот не затыкается. Как долго это уже продолжается? И кто этот мудака рядом с ней? Неужели дорогой Юра?

Мужчина сидит спиной к нашему столику, а Вера даже не глядит на него. Вдали горит разноцветными огнями пароход, и на него Вера смотрит куда больше, чем на собеседника. Что-то мне подсказывает, что с Юрой она вела бы себя иначе.

А что если это свидание, прошивает ледяная мысль. Со

мной не вышло, так она нашла другого. Я бы понял, если бы это был Юра, но, похоже, это не он.

А если Вера такая же, как все они, просто хорошо прикидывается?

– Подожди минуточку, – говорю Марианне.

Больше не могу. Я должен знать.

И я узнаю.

Вера

«Ты шлюха, Вера?»

Вопрос – как отрезвляющая пощечина. Выбежала из его дома, подхватив вещи, и помчалась вниз по улице, не разбирая дороги.

А ниже оказалось море. Бескрайнее и синее. Его нельзя было не найти или пройти мимо.

Возле него я и просидела какое-то время, пытаюсь унять дрожь и слезы. Согрелась под солнцем, а после смыла с лица слезы. Губы снова стали солеными, но теперь уже не от слез, а от морской воды.

Вдали у волнорезов фейерверком брызг разбивались волны, но до берега они не доходили. Так и все мои запретные желания разбились о твердый, бескомпромиссный вопрос Марка.

«Ты шлюха, Вера?»

Солнце вскарабкалось еще выше и стало даже жарко. Поднявшись с песка, я забрела в кафе на берегу. Среди посетителей нашелся парень, который услышав мою русскую речь, вызвался помочь. Он объяснил бармену, что я хочу, и тогда бармен забрал мой телефон к себе за стойку, обещав вернуть, как только тот зарядится.

Парень угостил меня кофе. Его звали Павел, он жил и ра-

ботал на Кипре в туристической отрасли. Я спросила советов, как и где подыскать жилье подешевле на одну неделю, на что Павел сказал: «Живи у меня!»

Я разразилась истерическим хохотом.

– Хватит с меня таких предложений, – сказала я. – А если серьезно?

К сожалению, Павел был как никогда серьезен. Ему нужно было вернуться на родину, чтобы продлить визу, и во время его отсутствия его квартира должна была пустовать. Я спросила, всегда ли он приглашает к себе пожить незнакомцев с улицы, на что он ответил, что этой чести удостоиваются только красивые девушки с грустными глазами.

Я сказала, что подумаю, сохранила номер в зарядившемся телефоне, а после позвонила Зое, воспользовавшись вай-фаем в кафешке. Сказала, что возникли какие-то накладки, чтобы не думала, что я рискнула приехать черти куда вообще без жилья. Попросила помощи у ее подруги из турагенства.

Зоя написала после обеда, выслала список квартир в шаговой доступности и средней ценовой категории. Спросила меня, не звонил ли Юра.

Юра не звонил.

Юра даже не в курсе, что я на другом конце земного шара. Он не спрашивал, куда я собираюсь, когда швыряла вещи в чемодан среди ночи. Только угрожал и шантажировал. К тому же у меня не было роуминга, так что Юра мог только связаться со мной через соцсети, но не пожелал делать и этого.

Подхватив сумку и отблагодарив бармена и хозяина кафешки в одном лице, я отправилась проверять квартиры из списка. Паша к этому времени уже ушел ни с чем.

Одна квартира оказалась всего лишь комнатой, которую сдавали хозяева, которые сами жили в смежной. И каждый раз, чтобы попасть в узкую, как платяной шкаф комнату, нужно было проходить мимо хозяйской кровати.

Второй адрес из списка я так и не нашла. Спрашивала прохожих, но греки не понимали моего произношения или я так сильно коверкала название улицы, не знаю, что именно мне помешало.

А по третьему адресу из списка двери мне открыл сам Павел.

– Надумала все-таки? – обрадовался он.

Значит, его квартира действительно сдавалась. В коридоре нашлись и собранные чемоданы. Сдавал Павел просторную двухкомнатную квартиру с маленькой кухней. На полу тоже никаких ковров, только бежевая плитка, а стены выбеленные. Мебели мало – диван, кресло и кровать с тумбочками в спальне. Цену Павел назвал даже ниже той, что значилась в списке Зои. Сделал мне скидку еще и потому, что пора было уезжать, а он никого так и не нашел. Впервые мне действительно повезло хотя бы в чем-то с начала поездки.

Мы ударили по рукам.

Тут же оказалось, что Паша уезжает только через два дня. Что ж. Получалось, я все-таки поживу какое-то время

вместе с ним. Впрочем, дома сидеть я не собиралась. Закинув вещи в выделенную мне тумбу, нашла в чемодане курпальные принадлежности, переоделась и отправилась на городской пляж. Не стала платить за шезлонг, тем более, пока я искала жилье, солнце почти скатилось к горизонту. Так и постелила полотенце на песок.

Наплававшись вдоволь, вернулась домой голодная и уставшая. Паша как раз собирался заказывать еду из таверны на первом этаже, так что я присоединилась к заказу. Он притащил кучу закусок в маленьких контейнерах, поджаренные на грилле лепешки и горячие шашлыки на деревянных шпажках.

– Бараний сувлас для нашего гостя!

Все было очень вкусно. И хотя на часах было только девять вечера, сославшись на то, что очень плохо спала прошлую ночь, я расстелила кресло-кровать в гостиной. Паша вместе с остатками еды скрылся в спальне, и под звуки какого-то ситкома я и заснула.

На следующий день снова отправилась на море, как только проснулась, решив, что по дороге найду, где бы перекусить. Шла мимо закрытых таверн и спящих на парапетах кошек,

дышала каким-то другим, особым воздухом. Ветра не было, и соленый привкус моря был таким густым в воздухе, что казалось, его можно есть ложкой.

Вернулась к кафешке на берегу, где вчера заряжала телефон. Бармен-владелец узнал меня, предложил кофе и тосты. Оказалось, он все-таки понимал русский, но почти не говорил из-за сильного акцента. Был он поляком с украинскими корнями. Тадеуш даже попытался рассказать мне, как открыл кафе на Кипре, но я почти ничего не поняла из этого рассказа.

На пляже на этот раз вручила положенные пять евро за шезлонг мальчику, который лениво расставлял их вдоль моря, и снова ушла плавать. В этот раз доплыла почти до волнорезов. Там вылезла, выпрямилась в полный рост и обернулась на город, который тонул в утренней дымке.

В то утро, стоя на влажном камне посреди моря, я впервые поняла, что справлюсь. Смогу. Переживу и унижение, которое испытала у Марка, и искушение, которое пережила там же.

Я никогда не была предоставлена сама себе настолько, как сейчас. И в этом вынужденном одиночестве я впервые увидела свои плюсы. Я могла плавать, сколько сама хочу и лежа на пляже тоже. Не нужно прятаться в тени, «потому что я же могу обгореть, Вера, а всем этим кремам я не доверяю».

Шесть лет с одним мужчиной не бог весть, какой срок, но по моим ощущениям прошла целая жизнь. И прошла мимо,

а настоящая жизнь, такая, чтобы жить на полную катушку и себе в удовольствие, еще оставалась где-то впереди.

Я позволила себе поваляться на пляже так долго, как сама хотела. Не читала при этом очередную скучную книгу какого-то лауреата очередной литературной премии, а из-за отсутствия нормального интернета другие пожиратели свободного времени, как соцсети, меня тоже мало волновали.

Редко доводилось проводить столько времени наедине с самой собой. И в этот раз я наслаждалась каждой минутой.

Позже Тадеуш нашел меня на пляже сам. Принес еду из кафе – запеченный баклажан с фаршем и холодный кофе фраппе. Это было неожиданно вкусно и приятно.

В свое время я не успела насладиться мужским вниманием. Выбрала Юру и осталась с ним, потому что вроде не самый худший вариант: не пьет, не курит, не бьет и не изменяет. А бросать его без явной причины вроде и неудобно. Подумаешь, в постели перестала кончать, вовсе и не проблема. О таком и не пожалуешься никому... Вот и донашивала эти отношения, как старую вылинявшую, но такую удобную кофту.

Тадеуш был рослым, светлокожим и смешно шурился на солнце. Я все еще не понимала и десятой доли того, что он говорил, и, кажется, он догадывался об этом, но иногда казалось, что ему и моей улыбки достаточно.

С горем пополам я поняла, что он зовет меня вечером в ресторан на пристани. Планов на вечер у меня не было, Па-

вел уезжал только на следующий день, а коротать еще один вечер вместе не хотелось, поэтому я согласилась.

Паша снова удивил – поступил как настоящий джентльмен, условился со мной на определенное время, в которое он позвонит мне, и если я не отвечу, то он пройдет мимо кафешки, чтобы убедиться, что все в порядке. А если нет, я смогу сказать, что увидела знакомого и сбежать вместе с ним домой. Видимо, без меня его вечера разнообразием не отличались, а бесконечные сериалы в одиночестве надоели.

Вечером Тадеуш также говорил без умолку и его совершенно не беспокоило отсутствие моих ответов. Я кивала, улыбалась и четко понимала, что у меня вообще ничего не ёкает при взгляде на него. Ждала звонок, но Паша все не звонил, как будто тоже решил дать поляку шанс. Часто доставать телефон я не решалась, а пресловутые вежливость и воспитание не давали просто так распрощаться и уйти, все-таки парень старался и обедом накормил меня совершенно бесплатно.

Монотонный голос, из которого я понимала от силы пару слов, убаюкивал. Я смотрела на море и думала о Марке, о том, что мы слишком разные и что я, конечно же, не одна из его шлюх и никогда ею не стану.

Вывел меня из забытья голос Тадеуша, который внезапно громко и требовательно выговаривал что-то застывшему около нашего столика официанту. Различила я только твердое: «Нет!» и, кажется, «Не надо».

Я перевела взгляд на бутылку вина, которую мы не заказывали, и бокалы, а после подняла глаза на самого официанта.

Сердце рухнуло в пропасть.

Марк смотрел на меня, заломив одну бровь, с плохо скрываемым любопытством в светло-серых глазах. На нем был теплый худи с капюшоном и свободные джинсы, в волосах бардак, а трехдневная щетина скрыла соблазнительную ямочку на подбородке.

– Привет Вера, – улыбнулся он, как ни в чем ни бывало, и скользнул за наш столик.

Облокотившись о столик и спинку дивана, Марк как бы отрезал меня от остального мира. Я отпрянула к ограждению, но на узком диване рядом с ним стало невероятно тесно.

Тадеуш впервые за все это время довольно четко произнес на чистом русском:

– Знаешь его, Вера?

Марк не удостоил моего собеседника даже коротким взглядом.

Все его внимание было предназначено мне, и его взгляд был более чем откровенный. Двусмысленный, наглый, нарушающий личное пространство. Ни один мужчина не позволял себе так откровенно пялиться на мои губы, и я бы рада отвести глаза, но не могу.

Его глаза обещают наслаждение, ласкают мои скулы и в

них горит желание увидеть больше, избавившись от лишней одежды. Наваждение и безумие в одном флаконе с резкими нотками сандала на его коже.

– Познакомишь?

Низкий голос с хрипотцой поднимает со дна отчаяние, осевшее противным илом за эти два прошедших дня. Сразу вспоминаю ванную, осколки красного сердца и вопрос-отказ. Вопрос-унижение.

«Разве ты шлюха, Вера?»

Я не позволю Марку играть со мной.

На самом деле, я благодарна ему за то, что он оттолкнул меня и четко обозначил собственные интересы. Я в его возмутительные стандарты не вписываюсь, но рядом с ним все равно почему-то теряю голову.

Перевожу взгляд на встревоженного поляка. Решаю специально подразнить зверя. Не только касаюсь руки Тадеуша, а даже медленно поглаживаю ее. Пусть видит и пусть придумывает себе что угодно.

– Тадеуш, это Марк и он уже уходит, – произношу я, не глядя на него.

И это моя ошибка.

В следующий момент бутылка вина летит в стену, взрываясь фейерверком красных брызг и темного стекла.

Люди вокруг начинают кричат на незнакомых языках. Все вскакивают с ног и, если до этого атмосфера в кафе текла расслаблено, то теперь градус взвился до потолка. Адми-

нистратор кричит официантам, официанты ловят в дверях посетителей, которые подорвались с мест и собирались сбежать, не оплатив по счетам. Все кругом кричат и размахивают руками, и в этом хаосе есть только один человек, который остается без движения.

Виновник спокоен.

Он смотрит на меня. И улыбается немного криво.

– Какой же ты мерзавец, Марк, – выдыхаю я.

Он пожимает плечами, сует, не глядя, банковскую карту подбежавшему администратору и бросает что-то на греческом.

– Что ты сказал ему? – спрашиваю я, хотя и догадываюсь по офигевшему виду парня.

– Что все расходы беру на себя, – он снова пожимает плечами. – Я богатый мерзавец, Вера. Могу поджечь это кафе, если захочу, а хозяин только спросит, достаточно ли хорошо оно горит для меня.

В его глазах словно пляшут искры того самого пламени, про которое он рассказывает. Меня обдаёт жаром. Выданный плед и то грел меньше, чем руки Марка, которые ложатся на талию.

– Вьера, – говорит Тадеуш с сильным польским акцентом. Наверное, нервы сдают у человека.

Его голос и то, с каким акцентом он произносит мое имя, не вызывают во мне и десятой доли того, что я чувствую рядом с этим мерзавцем.

– Марк! – раздаётся сзади.

Вижу ту самую рыжую девку из аэропорта. Марк прикрывает на мгновение глаза. Его хватка на моей талии становится чувствительней.

– Успел забыть, с кем пришел сюда, Марк? – холодно спрашиваю я.

– Мы случайно встретились.

Смеюсь. Наверное, в том, что мне так весело виноват именно стресс, ведь ничего смешного не произошло. Просто я снова словно с головой нырнула в липкую и противную грязь, которую потом с себя не смыть так просто. В ушах словно зазвенело от стонов, которые отскакивали от кафельной плитки уборной, и как наяву услышала, как она скребется ногтями по пластмассовой перегородке, пока он трахает ее сзади. И последним аккордом – шум сливающегося бачка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.